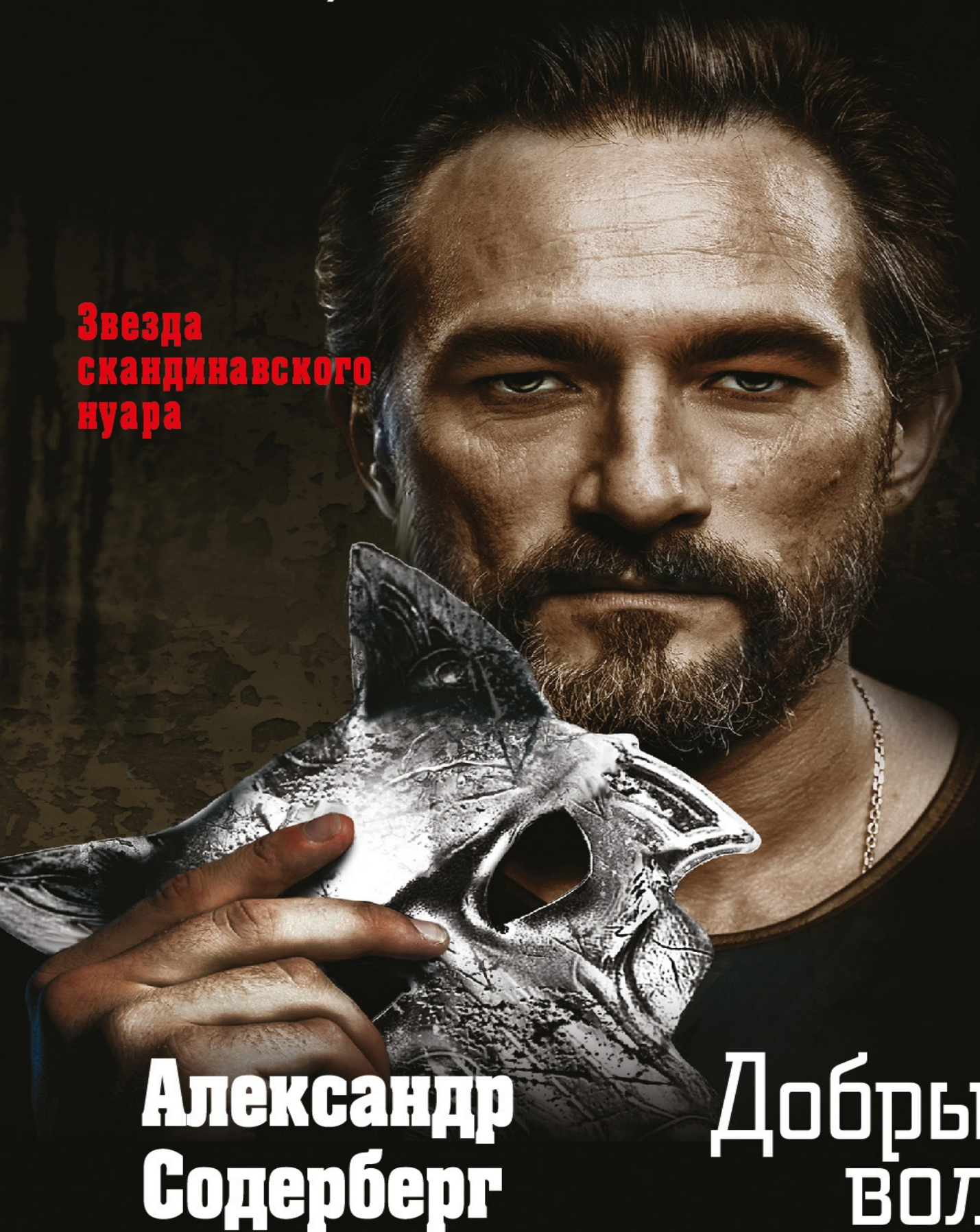

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Звезда
скандинавского
нуара

Александр
Содерберг

Добрый
ВОЛК

Annotation

Александр Содерберг – яркая звезда современного скандинавского нуара, наряду со Стигом Ларссоном и Ю. Несбё. Его книги читают во всем мире. Критики сравнивают романы Содерберга с «Крестным отцом» Марио Пьюзо.

София Бринкман, медсестра из Стокгольма, попала в жесткий переплет, связавшись с криминалом. Теперь она пойдет на что угодно, чтобы спасти своего сына из рук бандитов. София готова передать им информацию о человеке, за которым они охотятся. И даже рассказать, где находится ребенок этого человека. Но как потом жить ей и сыну, зная, что за их жизни уплачена такая цена? Софию ждет тяжелый выбор...

Александр Содерберг

Добрый волк

Alexander Söderberg
Den Gode Vargen

* * *

В оформлении использованы фотографии: Lipik Stock Media, Vasilyev Alexandr, Kiselev Andrey Valerevich, Faces Portrait / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Alexander Soderberg, 2016. Published by agreement with Salomonsson Agency

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Пахло жареной свининой, а Эрнст Лундвалль должен был умереть^[1].

Он стоял здесь, совершенно растерянный, в наполовину заправленной в костюмные брюки белой рубашке. Кевин Горман сидел на табурете в нескольких метрах позади него и чесал открытый лоб серебристым дулом автоматического пистолета. Вид у него был довольно глупый.

Йенсу Валью и Лотару Тидеманну отвели места в первом ряду партера. Они не должны были пропустить ничего из представления.

Наверху, на каменной веранде, среди колонн и белых статуй, дон Игнасио Рамирес – в черных солнечных очках и с заложенной за воротник салфеткой – ел жареную свинину. Это был день его славы. Свежеокрашенные волосы выглядели неестественно яркими по сравнению с его бледной кожей. Дон Игнасио сидел на фоне собственного дворца – безвкусной мешанины Версаля и Диснейленда, больше всего походившей на спрятанное в колумбийских джунглях неуклюжее пирожное со взбитыми сливками. Роскошный сад населяли экзотические животные – жирафы, две зебры, лев, одинокий носорог и... несколько бегемотов. Сейчас все они были здесь и в растерянности следили за разворачивавшимся действием.

Дон Игнасио выступал в качестве режиссера. Эрнсту отводилась роль жертвы, Горману – палача, Валью и Тидеманну – публики.

– Йенс! – выкрикнул Эрнст.

Голос его сорвался.

– Эрнст! – отозвался Йенс. – Ничего не бойся!

Он утешал его, как ребенка, хотя это не имело смысла.

Валь повернулся к дону Игнасио Рамиресу:

– Мы можем поговорить?

Дон Игнасио молчал. И продолжал есть свинину, недостижимый за темными очками. Только живот его напрягся за полиэстером рубашки.

А что он, собственно, должен был делать? Слушать причитания Йенса? С ним все кончено, как и с Эрнстом. Им не о чем говорить. Валя ждет такая же судьба – возможно, уже в самое ближайшее время.

Свинья Кевин Горман должен сделать это. Чертов палач дона Игнасио, страж Йенса и Лотара, их дух-мучитель... Он сидел здесь, как всегда готовый на все. Уроженец Северной Каролины – не старый, не молодой, с плохими зубами. Его неопрятные волосы висели сосульками. Имя каждой очередной жертвы Кевин заносил в специальный журнал.

Игнасио глотнул вина и поднял бокал в сторону Гормана. Это был знак. Кевин поднялся и вразвалку пошел на Эрнста.

– Йенс? – снова выкрикнул Лундвалль, на этот раз скорее вопросительно.

Кевин Горман вытянул руку с пистолетом. Эрнст прищурился и закричал, что сделает все, что от него потребуют.

– Не смотри, – шепотом велел Йенс Лотару.

Но тот не сводил с Лундвалля глаз.

Раздался выстрел. Животные содрогнулись, с деревьев взметнулись птицы. Эрнст рухнул

на сухую землю с дыркой во лбу и обмоченными штанами.

Колени Тидеманна обмякли, но Валь успел его подхватить.

Горман повернулся к ним. На его губах играла улыбка. Йенс презрительно сплюнул.

Лотар дрожал, уставив глаза в землю. Он по-прежнему не держался на ногах, поэтому Валь не выпускал его. Семнадцать лет – мальчик был слишком молод для всего этого.

– Йенс и Лотар! – раздался сверху голос дона Игнасио.

Он стоял, опершись на каменные перила террасы, – с заложенной за воротник салфеткой и блестящими от жира губами.

– Вы почти полгода прожили под моей крышей, и с вами обращались по-человечески.

Театральная пауза. Жара, звуки джунглей.

Валь обернулся на Эрнста – над убитым уже роились мухи.

– Пришло время расстаться, – продолжал Рамирес. – Когда-нибудь ты будешь думать обо всем этом иначе, Йенс.

Двое мужчин подхватили Лундвалля за ноги и поволокли прочь. Руки покойного тянулись по земле, поднимая красновато-бурую пыль.

– Лотар поедет с тобой, Йенс, но только до Майами. Ты оставишь его там, так будет надежней. Будешь умницей в Европе – и Лотар избежит участи Эрнста.

Игнасио сорвал с груди салфетку и вытер ею рот, после чего бросил ее на стол и скрылся.

Йенс все еще сжимал Лотара в объятьях – почти отцовских. Хотя тот был сыном Гектора Гусмана, а не его.

София погрузилась в воду.

Мир снаружи представлялся скоплением бесформенных световых пятен. Кровь стучала в висках, вода давила на грудь и горло. Боль разрывала тело на части, но София Бринкман держалась. Она сама выбрала для себя такое наказание. Кроме того, за болью стояло нечто большее, едва различимое. Дрожащая полоса красного света... Сладостное, болезненное онемение, самоистязание, самоотмщение... Исчезающе краткое наслаждение болью, отсрочка.

Она уже начала умирать. Губы стали нечувствительными. Давление на глаза усилилось, а мышцы на руках и лице задергались. Внутри все переворачивалось.

Оставалось совсем немного. Сердце неистовствовало. Тело погружалось в вакуум, содрогаясь от предупреждающих сигналов. В голове мутилось. Уже несколько раз София выпадала из сознания и снова приходила в себя. Внезапно в глазах у нее потемнело. Сработал дыхательный рефлекс – легкие наполнились водой. Бринкман пробудилась к жизни – взметнулась вверх, срывая полотенце, и перегнулась через борт ванны, выплевывая воду, захлебываясь от кашля. Потом она глубоко вдохнула, удерживая воздух в легких. Боль стала невыносимой, и София закричала, уткнувшись лицом в полотенце. Выталкивая из себя воздух, она попыталась ввести дыхание в ритм. Горло и легкие у нее горели.

Она запрокинула голову, обеими руками вцепилась в бортик ванны и задышала спокойнее. Легкие наполнились воздухом, кислород медленно растекался по телу, распространяя неопишемое блаженство.

Где-то капала из крана вода – звук отдавался эхом в гулком пространстве комнаты. Бринкман заметила на потолке две царапины, вдоль которых уже вздувалась и облупливалась краска, и повернула голову. Одежда висела на дверной ручке. От «Сони Рикель»^[2]...

Кап, кап, кап... В дверь постучали, а потом послышался голос Альберта:

– Поторопись, мама! Вам скоро уезжать.

* * *

Бульканье, плеск коктейля в бокале – напитки льются рекой. Четырехголовый оркестр в смокингах играет блюз. Не меньше сотни гостей теснятся в зале торжеств шведского посольства в чешской столице. Среди них – дипломаты, бизнесмены, кое-кто из политиков. София топчется в стороне с бокалом шампанского в руке, не сводит глаз с Санны Ренберг. То же самое делает и Майлз Ингмарссон у противоположной стены зала.

Санна – коротко стриженная кудрявая блондинка в вечернем платье – пробирается сквозь толпу. У нее есть цель – Карл Хагман, который стоит посередине зала, окруженный толпой коллег.

Ренберг протискивается к Хагману, что-то шепчет ему в ухо. Карл улыбается, его недоуменный взгляд скользит по фигуре Санны – снизу вверх.

Отлично...

София смотрит на свои наручные часы.

Главное – вовремя вывести Карла Хагмана. Тридцать минут – ровно столько требуется, чтобы подействовала таблетка. Потом он вырубится.

Коллег Карла – женщину и мужчину рядом с ним – нужно отвлечь.

Бринкман возьмет на себя мужчину. Ингмарссон – женщину.

София и Майлз приближаются к Хагману каждый со своей стороны.

– Привет! – улыбается София.

Мужчина оборачивается, его лицо сияет.

В зале торжеств слишком многолюдно, гости теснятся. Майлз и София обмениваются любезностями с коллегами Карла, незаметно передвигаясь по периметру зала. В конце концов коллеги оказываются стоящими спиной к шефу. Бринкман видит, как Санна уводит Хагмана в сторону выхода.

Они встретятся на лестнице через три минуты.

Карл что-то бормочет и смеется, в то время как Майлз подталкивает его вниз по лестнице. София и Санна следуют за ними.

Вместо того чтобы покинуть посольство через главный вход, они сворачивают вправо, отпирают кодовый замок на двери, проходят через небольшой офисный зал и останавливаются перед дверью. Бринкман набирает четырехзначный код, придерживает дверь и идет следом за остальными.

Дальше начинается лестница, которая ведет в подвал здания посольства.

Таблетка подействовала быстро, Карлу Хагману все хуже.

Группа продолжает двигаться по коридору, волоча и подталкивая его.

– Эй! – Откуда ни возьмись, появляется охранник – двойной подбородок на воротнике темного костюма, в руке рация. – Что вы здесь делаете?

– Одному из гостей стало плохо, – улыбается Майлз.

Охранник вглядывается в его лицо.

– А вы, случайно, не компьютерщик?

– Точно, – подтверждает Ингмарссон и кивает на Хагмана. – Пусть проспится в моем кабинете, ладно?

– Только недолго, – нехотя соглашается страж. – Через три часа здание посольства закрывается, таковы правила. – Он поворачивается к Софии и Санне. – А вас я не знаю.

– Мы – делегация бизнесменов из Швеции, – объясняет Бринкман. – А это наш шеф, – кивает она на Хагмана.

– В таком случае здесь вам делать нечего, – грубо обрывает ее охранник. – Гости должны держаться отведенных для них территорий.

Это уже откровенная наглость. Майлз кивает:

– Понимаю, но наверху назревал скандал. Мы были вынуждены спасти положение.

– Плевать я хотел на ваш скандал.

Ингмарссон скидывает голову.

– Как, простите?

Охранник моргает, понимая, что перегнул палку.

– Вам не следует бродить по этому зданию без дела, тем более в компании посторонних людей, – уже не так уверенно повторяет он.

– Я не расслышал, что вы сказали до этого?

– Теперь уже неважно, – отмахивается служащий.

– Вы тоже работаете в этом посольстве, – наставительно замечает Майлз. – И плевать

хотели на репутацию страны?

Охранник мотает головой.

– Может, в таком случае вам стоит подыскать себе другую работу? – продолжает Ингмарссон. – Если хотите, могу поговорить с начальником службы безопасности.

Нависает пауза.

– Хотите? – повторяет Майлз.

Время идет, охранник медлит. Наконец он бормочет «нет» и исчезает.

Компания устремляется вниз по лестнице. Ноги Карла заплетаются, ему все хуже. Наконец они оказываются перед массивной металлической дверью. Майлз бросает Софии ключ, она отпирает.

Спустя несколько секунд компания выходит в переулок. Неподалеку кто-то заводит машину – слышно, как под колесами хрустит гравий. А потом в переулок вырывает серый «Фольксваген Пассат».

Бринкман открывает заднюю дверь. Майлз и Санна втаскивают Карла в салон, а София обходит машину и садится на переднее сиденье. За рулем – Михаил Асмаров, он вопросительно косится на Софию.

– Всё в порядке, – кивает она.

Михаил выезжает на дорогу. Они живут буквально в паре шагов – западнее моста Карлсбрун, возле площади.

* * *

Ноги Карла Хагмана волочились по полу, изо рта свисала струйка слюны. Майлз и Михаил вместе втащили его в квартиру.

– Поздоровайся с Карлом, Альберт! – крикнул Ингмарссон.

– Привет, Карл, – раздался из гостиной голос Альберта. – Опять нализался? Ты меня разочаровываешь.

– Прекрати, Альберт, – оборвала сына София.

Тот вместе с Майлзом рассмеялся.

Хагмана бросили на двуспальную кровать в гостиной и раздели.

Появилась Бринкман с тремя шприцами и ампулами в руках.

– Где Санна? – спросила она, наполняя шприц.

– Переодевается, – ответил Майлз, устанавливая камеру на штативе.

Оставив Карла Хагмана в одних кальсонах, София присела на край кровати, нащупала вену на сгибе его руки и ввела шприц. Карл не отреагировал.

Они провели тщательную проверку. В тот вечер на вечеринке в посольстве Хагман представлял одну из небольших шведских компаний – свою собственную, которая занималась координацией компьютерных баз данных по всему миру с целью облегчить сотрудничество властных организаций разных стран. Он создал программу «Линкс» – своего рода переключатель между различными компьютерными языками. Последней его разработкой была попытка установления связи между государственными налоговыми органами и международными банковскими транзакциями. Именно она и стала причиной того, что случилось с ним в тот вечер.

София приподняла Карлу веко и заглянула в зрачок:

– Сейчас очнется.

Майлз натянул на лицо черную балаклаву. Бринкман вскрыла ампулу и «зарядила» второй шприц.

Программы Карла Хагмана имели успех – сделки заключались одна за другой. На новой вилле к северу от столицы появилась до неприличия красивая жена. Дети Хагмана учились в частной школе. Он получал правительственные заказы и катался как сыр в масле.

Теперь все это поставлено на карту.

София вытащила иглу.

– Это вернет ему физическую форму. При этом он не будет осознавать, что происходит.

Майлз кивнул.

Карл что-то бормотал, шевеля губами, будто во сне.

Бринкман поднялась и взяла третий шприц:

– После этого он восстановится окончательно. Вколешь, когда все будет кончено.

В гостиную вбежала Санна – в трусах и чулках в сеточку на шелковом поясе. В остальном – голая.

София обняла ее:

– Удачи.

Щеки женщин на мгновение соприкоснулись, после чего Бринкман покинула комнату.

Ренберг поправила шелковый пояс и присела на край кровати.

– Я люблю тебя, Санна, – сказал Майлз в балаклаве, направляя на нее камеру.

Санна склонилась над мужчиной в постели.

– Я люблю тебя, Майлз, – отозвалась она, засовывая Карлу в рот свой сосок.

Хагман выпучил глаза.

Ингмарссон сделал снимок.

За открытым окном автомобиля заливались цикады. Салон наполняли запахи лаванды, жасмина и базилика. Соня Ализаде сидела за рулем припаркованного «Альфа-Ромео». Вилла наверху почти не просматривалась за пиниями и алеппскими соснами.

Обзор был неважный, что и говорить. За решетчатыми железными воротами мелькала ведущая к дому слабо освещенная дорожка. Основная часть сада лежала, заслоненная двухметровой стеной.

Соня посмотрела на наручные часы – почти десять. Она не первый день наблюдала за домом. Между половиной десятого и половиной одиннадцатого вечера мужчина обычно выходил из ворот с пакетами мусора, выкуривал сигару и разговаривал по мобильному – негромко и поминутно оглядываясь по сторонам, как будто с любовницей.

Лешек прогуливался вдоль стены. Он довольно далеко отошел от машины и поджидал клиента в тени деревьев.

Ализаде опустила солнцезащитный козырек и посмотрелась в зеркальце – вредная привычка. Увидела мелкие морщинки вокруг голубых с зеленою глаз, оливкового оттенка кожу.

Она поправила прядь прямых черных волос возле уха и снова подняла козырек. По обе стороны черной дороги с желтой разметкой высились утопающие в ухоженной зелени роскошные виллы. И все это внушало чувство комфорта, довольства, уверенности в завтрашнем дне – то, чего Соне не хватало, как никому другому. Они слишком долго были в бегах – и она, и Арон, и Гектор, и Лешек.

Бегать и постоянно от кого-нибудь прятаться – все равно что все время мерзнуть. Это отнимает слишком много энергии. Соня устала.

Теперь они ищут Лотара, сына Гектора. Он – их главная цель. Им известно, что Лотар у дона Игнасио, но выходить на переговоры не с чем. Все, на чью помощь они могли бы рассчитывать, знают, что с Гектором Гусманом покончено. Что сотрудничать с ним означает открыто выступить против Ральфа Ханке и дона Игнасио Рамиреса. А кому нужны такие проблемы?

Они делали, что могли: прослушивали, взламывали, внедрялись. Прежде всего их интересовали группировки, отколовшиеся от Гектора и нашедшие приют у Ханке и Игнасио. Но все оказалось напрасно – никаких следов.

Лучик надежды забрезжил неожиданно, несколько недель тому назад.

Альдо Моретти – гангстер средней руки из Флоренции – затеял крупное дело. Моретти возглавлял одну из небольших итальянских группировок – без конкретной привязки к какой-либо из значительных мафиозных фамилий. Когда-то давно Гектор тоже вел с ним дела, и вот теперь Альдо что-то затевал. «Что-то» в данном контексте могло означать только дона Игнасио Рамиреса.

Соня посмотрела в сторону решетчатых ворот.

К вилле поднимался мужчина – без пакетов с мусором в руках.

Значит, она его пропустила.

Ализаде нащупала на сиденье рацию и громко зашептала в микрофон:

– Он уже выбросил мусор и теперь возвращается к дому.

Сердце у Сони забилося. Она провожала мужчину взглядом, а он все еще разговаривал по мобильному. Потом остановился и сунул в рот сигарету. Вспыхнул огонь, мужчина выпустил облачко голубого дыма и чему-то рассмеялся. Он выглядел беззаботным и расслабленным и одет был соответственно – в бежевые летние брюки и светло-голубую рубашку.

Из тени выступила фигура Лешека Смялы. Он приставил к виску мужчины пистолет и взял у него телефон.

Соня повернула ключ зажигания и на полной скорости отбуксовала назад, к воротам. Нащупав рычаг, переключила его на первую скорость. Ворота позади автомобиля разъехались.

Дверца за ее спиной распахнулась, и мужчину втокнули на заднее сиденье. Следом протиснулся Лешек.

– Давай поезжай.

Ализаде поехала вниз по склону холма, наблюдая за женщиной в зеркальце заднего вида. Длинные черные волосы, голубые глаза. Салон наполнил стойкий запах мужской парфюмерии и сигар.

– Вы банкир Джузеппе Руссо? – спросила она.

– Да, – равнодушно ответил мужчина.

– И Альдо Моретти – ваш клиент?

– С какой стати...

Лешек ткнул в бок пленника пистолетом.

– Да, в числе прочих, – ответил банкир.

На резком повороте он, чтобы не упасть, уперся рукой в потолок.

– И чем сейчас занимается Моретти? – продолжила расспрашивать его Соня.

– Не понимаю, о чем вы.

– Что за дела он затевает? С кем работает? Вы должны быть в курсе.

– Он передо мной не отчитывается. Я всего лишь консультирую его по финансовым вопросам, вы взяли не того...

Мощный удар в висок опрокинул Руссо на сторону. Банкир поднял руку, словно собирался что-то сказать. Еще удар – сильнее предыдущего. Джузеппе сел. Он выглядел растерянным. Черные волосы падали ему на лицо, рука снова взметнулась в воздух.

– Дайте же мне...

Похититель выбросил кулак – голова Джузеппе Руссо ударилась о стекло и упала на грудь. Теперь банкир смотрел на свои ноги.

Смялы положил ему на колени фотографию. На ней были дети Джузеппе – восьмилетний сын и десятилетняя дочь. Оба в школьной форме – синей и серой, с прямоугольными ранцами за спиной. Они выходили со школьного двора.

– Что вы за грязные свиньи?! – выдохнул Руссо.

– Дай то, что нам нужно, – ответила Соня.

Джузеппе пытался собраться с мыслями. Теперь он выглядел напуганным.

– А что вам нужно? – Он громко задышал.

– Альдо Моретти, – повторила Ализаде. – Все, что тебе о нем известно...

– Ваши гарантии, – перебил ее пленник.

– Никаких гарантий, просто отвечай на вопросы. Это же твои дети... – шепотом подсказал Лешек.

Банкир смотрел куда-то перед собой:

– Мы обсуждали передвижение денежных потоков.

– Откуда? – уточнил Лешек.

– Все слишком запутанно.

– То есть?

– Это не поступления, это отчисления со счетов Моретти. Их предполагалось прикрыть транзакциями между разными банками и учреждениями.

– Где они должны осесть в конечном итоге?

Джузеппе взглянул на снимок.

– В одном частном банке в Карибском регионе.

– В чьем банке?

– Одной группировки, с которой работает Моретти.

– Кто такие?

– Я не знаю.

– Вы еще работаете с ними? С этой группировкой? – спросила Соня.

– Собираемся. Все только затевается.

– Когда?

– Встреча назначена на следующей неделе, это первый шаг.

– Где?

– Во Флоренции. Где он живет, как я понимаю.

– У него дома?

Руссо замотал головой:

– Моретти не устраивает встреч дома. И в офисе тоже.

– Тогда где?

Банкир снова потрянул головой, но похитительница не давала ему опомниться.

– Где? – повторила она. – Где он обычно назначает встречи?

– Чаще всего в ресторане. Иногда в музее, в Уффици. Несколько раз мы просто прогуливались по городу.

– И сколько было таких встреч?

– Всего, вы имеете в виду?

– Да.

– Трудно сказать, я консультирую его много лет. Всех встреч за это время не упомянуть.

– Где они обычно проходят?

– Здесь, в Риме. В моем офисе.

– А во Флоренции? Разве вы к нему не ездили?

Джузеппе задумался.

– В ресторане.

– В каком?

– В самом туристическом пекле, на Пьяцца-делла-Синьора.

Соня остановила машину на обочине дороги и протянула Руссо блокнот и ручку:

– Напишите название ресторана и банка на Карибах.

Пленник сделал все, как она просила.

– Теперь вы должны обещать мне, что...

Большого он сказать не успел. Лешек открыл дверцу со стороны итальянца, выхватил у него ручку и блокнот и вытолкнул его на дорогу.

Ализаде завела мотор и продолжила движение по склону. В отдалении переливался огнями Рим, но им нужно было совсем в другую сторону. Соня и Лешек повернули в северном направлении, к Тоскане и бенедиктинскому монастырю, к Гектору Гусману.

София ожидала условленного сигнала об окончании фотосессии. Потом она включит монитор и будет наблюдать за переговорами в соседней комнате.

Последние полгода этот кабинет был их рабочим местом. Стены – лучшее тому свидетельство.

Три из них увешаны полками с многочисленными документами, снимками, заметками и распечатками, убранными в разноцветные папки. На одной стене преобладали синие папки. На другой – красные. А на третьей стене вообще не было никаких полок – только две фотографии. Эти три стены напоминали о трех различных, но пересекающихся направлениях работы.

Стена напротив Софии с синими папками была посвящена Томми. Убийства, вымогательства, перемещения денежных потоков, о которых шла речь в этих папках, так или иначе были связаны с Томми Янссоном, комиссаром криминальной полиции и бывшим шефом Майлза. Когда Томми хотел убить Ингмарссона, тому чудом удалось спастись. Чего не скажешь о его коллеге Антонии Миллер – пуля попала ей в голову на глазах у Бринкман. Оставшиеся в живых спаслись бегством. От всего и от всех. Ингмарссон при помощи брата нашел новую работу под фальшивым именем – здесь, в шведском посольстве в Праге.

К сожалению, в расследовании они продвинулись не так далеко, как хотелось бы. Информации в этих папках оказалось недостаточно. И теперь все зависело от Карла Хагмана, который сидел в соседней комнате.

София оглянулась на стену с красными папками – материалами о Гекторе Гусмане. Сведения о сделках, людях и организациях Гектора уточнялись до мелочей, и в этих бумагах речь шла об убийствах, вымогательствах и незаконных аферах – в достаточных масштабах, чтобы упечь Гусмана за решетку до конца жизни.

Две стены – два направления расследования.

Бринкман посмотрела на фотографию Гектора посреди бумажных завалов и поймала его пристальный взгляд. А потом оглянулась на стену Томми, где тоже висела фотография.

Оба они охотились за Софией, для обоих она была чем-то вроде дичи. Но при этом на разный лад.

Третья стена была почти голой. Только два снимка – Йенса и Лотара. Стена без названия, без цветных папок. Хотя ее главным персонажем оставался Лотар.

Три стены – три цели.

Быть свободной от Томми.

Быть свободной от Гектора.

Спасти Лотара и Йенса.

Последнее было ложью – София взглянула на их лица и отвела глаза. Эти двое обречены, это понятно всем – и ей, и Майлзу, и Санне.

Всем, кроме Альберта.

Стук в стену вывел Бринкман из размышлений. Это был сигнал того, что грязная работа сделана – Ренберг ушла, а Ингмарссон разбудил Хагмана инъекцией номер три и показал ему фотографии. Значит, скоро Карл Хагман начнет работать.

София включила монитор. Черно-белое изображение посылала вмонтированная в

потолок камера. Майлз все еще не снял балаклаву. Карл Хагман – в расстегнутых штанах и рубаше – сидел за столом с тремя компьютерами. На первый взгляд все шло согласно плану.

Майлз положил перед пленником лист бумаги.

– Нам нужно проследить банковские транзакции в Лихтенштейне около года тому назад. Деньги поступили от одного лица к другому, которое попыталось это скрыть. Нам нужна вся цепочка. Мы хотим знать, куда именно направлялись деньги, и проследить их полное или частичное поступление на счет в одном шведском банке. Далее неплохо было бы привязать полученную информацию к владельцу счета. Прежде всего, нам нужно имя.

Слышимость была отличная, София различала каждое слово.

– Это займет некоторое время, – пробормотал Карл, глядя в стол.

– Вот времени у нас как раз немного, – ответил Ингмарссон.

Хагман повернулся к компьютерам.

– А что, если ничего не получится? – спросил он. – Что, если я не смогу вам помочь?

– Тогда жизнь, которой вы сейчас живете, обратится в дым. Фотографии попадут к вашим родным и близким – клиентам, жене, коллегам...

– Даже если ваше задание окажется мне не по силам?

– Даже если так, – ответил Майлз. – А также если кто-то после этого заглянет в наши компьютеры. Не говоря о том случае, если вы кому-нибудь проболтаетесь. А теперь приступайте, и не будем больше терять времени.

Некоторое время Карл сидел неподвижно, словно разъяснение Ингмарссона выбило у него из-под ног почву. Но потом он как будто смирился со своей участью и обратился к компьютерам – потрогал клавиатуру, загрузил программы, ввел пароли и коды. И сразу изменился – стал собраннее и увереннее в себе, как обычно выглядит человек на своем месте.

У Софии отлегло от сердца. Она поняла, что Карл Хагман не намерен водить их за нос. В противном случае пришлось бы обращаться к Михаилу, и тогда дело приняло бы совсем некрасивый оборот.

– Мама? – За ее спиной в дверях возникла фигура Альберта.

– Привет, парень, – улыбнулась женщина. – Входи.

Ее сын въехал в кабинет в инвалидном кресле и остановился возле нее. Некоторое время оба молча смотрели на монитор.

– Мама, что происходит? – спросил Альберт.

С некоторых пор он разговаривал басом. София коротко взглянула на сына и поправила у него прядь волос возле уха. Верхняя половина его тела была натренирована, мускулы так и играли под футболкой. Огромные жилистые бицепсы – и тонкие, слабые ноги.

– Сама пока не знаю, – ответила Бринкман на вопрос сына. – Но скоро мы все поймем.

– Как дела у Майлза? – Альберт не сводил глаз с экрана.

– Все хорошо.

– А если у него не получится?

София понятия не имела, что делать в таком случае.

– Тогда мы все равно будем продолжать, – сказала она.

– Пока не освободим Лотара и Йенса?

– Да, – кивнула София.

Она лгала сыну – в последнее время все чаще. И при этом убеждала себя, что делает это ради его же безопасности. Альберту не нужно знать все. Но на самом деле она защищала

только себя. И ненавидела себя за это с каждым днем все больше.

Сын словно прочитал ее мысли. В знак утешения он легко хлопнул мать по щеке тыльной стороной ладони и покатил свое кресло к выходу.

Альберт изменился. Это происходит со всеми мальчиками в его возрасте, но не так, как с ним. В его случае все было стремительнее и явственнее. Словно часть Альберта – самая очевидная, безнадежная и безутешная – ушла навсегда. Альберта – каким он был до того, как повредил позвоночник, – больше не было. Тот был послушен и податлив, перенимал от матери восприятие окружающего мира и самого себя. Нынешний же Альберт был полной противоположностью прошлому. Он осознал, что должен сформировать себя сам, придать своему существованию некий статус – как бы странно это ни звучало для мальчика в инвалидном кресле, пусть даже и окруженного заботой близких. В его случае это можно было сделать, только опираясь на интеллект, остроумие и сообразительность. И, наконец, на чувство юмора – то, чего у Альберта было не отнять. Юмор и находчивость – его главные козыри в этой жизни, в них его спасение. Но Софии не хватало прежнего сына, и с этим она ничего не могла поделать. Да и нынешнему Альберту тоже, насколько она могла видеть.

После двух часов работы Карл неожиданно убрал руки с клавиатуры.

– Я готов. Все оказалось запутанней, чем я думал, но у меня получилось. Программа не подвела.

Он гордился собой, Бринкман это видела.

– Я проследил суммы, которые исчезли в Лихтенштейне, – продолжал Хагман. – Они засветились по всему миру бесчисленное количество раз, но в конечном итоге вернулись в Лихтенштейн, на другой счет, у которого известен только номер. С этого счета бóльшая часть суммы переведена на исследования БАС^[3] в медицинских учреждениях по всему миру. Но потом снова начались сложности... – Карл замялся.

– Какие? – спросил Майлз.

– Деньги, которые были сняты с этого счета, оказались в одном из банков Западной Африки. Из этой суммы несколько сотен тысяч появлялись то здесь, то там, пока не осели в одном из банков Швеции. Там они оставались некоторое время на нескольких фиктивных счетах, а потом переместились дальше. К сожалению, такое бывает. Установить происхождение денег в таких случаях практически невозможно. Верный способ замести следы.

– Но ведь у вас получилось? – спросил Ингмарссон.

Хагман кивнул, а потом написал что-то на бумажке, передал ее Майлзу и ткнул пальцем в монитор.

– Впишите номер счета в окошко – программа выдаст информацию о его владельце. Потом нажмите «enter» – всплывет информация обо всех банковских транзакциях, связанных с этим лицом и этим счетом. Лично мне все это несколько не интересно.

Карл отвернулся от монитора к камере – теперь София смотрела ему в лицо. Он выглядел усталым, но вполне довольным. Ингмарссон ввел номер счета, но ничего не произошло. Некоторое время он сидел неподвижно, а потом вдруг приблизил лицо к монитору. На экране замелькали буквы. Майлз вскочил – так резко, что чуть не опрокинул стул – и повернулся к камере. Глаза в прорезях балаклавы блестели. Ингмарссон поднял руку с выставленным большим пальцем и подмигнул Софии.

В тяжелом вечернем воздухе висел пряный запах пиний.

Гектор Гусман в монашеской рясе сидел на скамейке перед монастырскими воротами. Автомобиль с зажженными фарами поднимался от деревни по склону. Соне и Лешеку не было дозволено ночевать на территории монастыря – таково было одно из условий, на которых брат Роберто предоставил Гектору убежище.

Вот уже пять месяцев Гусман жил среди монахов. Находился рядом с ними и при этом бесконечно далеко от них. Принимал участие в повседневной работе, присутствовал на службах – хотя бы в качестве постороннего наблюдателя. Гектор принимал пищу вместе с братией и жил в келье, но он не был одним из них. При этом его многое с ними роднило: как и они, он бежал от мира, круглые сутки проводил в монастырских стенах и не имел никакой собственности. Притом что причины, доведшие Гусмана до такой жизни, имели мало общего с духовными поисками.

Он был гоним и полицией, и мафией. Ральф Ханке – бизнесмен и лидер криминальной группировки из Мюнхена – был одним из его преследователей. Другим был колумбийский наркоторговец Игнасио Рамирес. Они объединились, чтобы устранить Гектора Гусмана. И преуспели. Ханке и Рамирес похитили его сына Лотара и консультанта Эрнста Лундвалля, бывшего в курсе дел Гектора. После этого им не составило труда контролировать его деловые контакты.

Фары приближались, автомобиль поднимался по склону. Гусман слышал негромкое гудение мотора.

Ральф Ханке... Человек, который убил его брата, отца и – с высокой долей вероятности – его любовь Софию Бринкман. Это из-за Ханке Гектор впал в кому, а теперь, возможно, лишится и сына. Ханке отнял у него все. Никто еще не подвергал Гектора подобному унижению.

Как поступают с такими людьми? Стоило задать себе этот вопрос – и идеи хлынули потоком. Мысли о мести не давали Гусману спать по ночам, лишали его покоя днем. Даже в таком месте, как это. Они переворачивались у него в желудке неперевариваемым железным комом... Нанести ответный удар. Убить дьявола. Убить их всех. Металлический привкус во рту означал – ни больше ни меньше – жажду крови.

Когда же, пусть ненадолго, рассудок все-таки брал верх над одержимостью, мысль о Лотаре заглушала все остальные.

Гектор опустил глаза. Монашеская ряса, сандалии, гравий под ногами. Земля свята – куда бы ни ступила ваша нога. Так говорит брат Роберто.

* * *

Незадолго до того, как обосноваться в монастыре, Гектор Гусман вышел из комы, в которой пробыл почти полгода. Уже только открыв глаза, он понял, как изменился. Он стал задавать слишком много вопросов. Самому себе, но прежде всего – Небу. Это создавало определенные неудобства – по крайней мере в краткосрочной перспективе. Быстрых

решений больше не существовало. Возможно, это было к лучшему, но Гектор не привык иметь дела с вечностью. А здесь, в монастыре, все еще больше осложнилось. Гусман сам не мог понять, хорошо это или плохо. Кроме того, появилось еще одно новое чувство. Жизнь стала ощущаться интенсивнее на всем, так сказать, протяжении спектра. Гектор уяснил для себя много нового, стал осознавать связи, которых не видел раньше. Мироздание явило свое единство. Гусман даже стал слышать голоса – чаще больше походившие на невнятное бормотание, но иногда вполне ясные и отчетливые. Они обращались не только к нему, но и ко всем живущим. И Гектор не мог разделить это переживание ни с кем из монахов, даже с братом Роберто. Ему вообще было все равно, что все это означало и до чего могло его довести. Он знал только, что из-за него погибла добрая половина его семьи, не говоря уже о Софии Бринкман. Слишком много смертей...

Гектор научился задвигать это чувство вины на задний план. В конце концов, оно душило, а ему нужно было жить. В этом заключалась его ежедневная борьба – не пускать в душу слишком много света. Потому что в противном случае все грозило полететь к черту.

Ослепленный фарами, Гусман успел заметить вырвавшийся на площадку перед воротами «Альфа-Ромео». Машина развернулась и остановилась рядом с ним. Дверцы – одна, потом другая – открылись и снова захлопнулись.

Лешек и Соня опустили на скамейку по обе стороны от него. Гектор вопросительно посмотрел на Лешека. Тот понял и послушно достал сигару и зажигалку. Гусман удовлетворенно затаился. Некоторое время все трое сидели молча.

– Так что там с Альдо Моретти? – спросил наконец Гектор. – Ведет он дела с Игнасио Рамиресом?

Последний вопрос прозвучал совсем тихо, словно Гусман боялся, что отрицательный ответ тут же положит конец их беседе.

Соня протянула ему блокнот.

Гектор прочитал запись из двух строчек. Вверху было название итальянского ресторана или пиццерии. Под ним – банка. «Народный банк А.С.».

Гусман повторил про себя последнюю строчку. Название показалось ему знакомым. Это был офшорный банк, которым владел дон Игнасио. Когда-то много лет назад Гектор тоже переводил туда деньги.

– Это собственный банк Игнасио, – заметил он, выпуская облачко дыма.

Лешек улыбался. Соня тоже.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Гектор между затяжками.

– Мы подождем их в ресторане или где там они назначат встречу. И если там будет кто-нибудь близкий дону Игнасио, мы его возьмем, – ответил Лешек.

– Близкий? – не понял Гусман.

– Кто-нибудь, кто что-то для него значит, – кивнул его собеседник. – Кто-нибудь, кого можно будет обменять на Лотара.

– А если нет?

Нависла пауза. А потом заговорила Соня:

– Тогда все кончено. Мы выходим из игры.

Гектор снова взглянул на запись.

– Значит, это единственный способ? – спросил он.

Его люди не отвечали. Вопрос был слишком серьезным. У них и в самом деле оставался один-единственный шанс, причем весьма призрачный. Все трое прекрасно понимали, в

каком положении оказались – ни средств, ни силы. Ничего, кроме надежды на чудо. Или хотя бы на удачу.

Гектор поднялся и несколько раз выпустил дым, после чего уронил сигару на землю, не погасив ее. Затем натянул на голову капюшон и повернулся к Соне и Лешеку:

– Спасибо.

Он произнес это шепотом, после чего, спрятав руки в рукава монашеской рясы, развернулся и пошел к воротам.

Йенс склоняется над разложенной на обеденном столе картой мира.

Квартиру на одном из верхних этажей с видом на Майами-Бич и открытой площадкой можно обозреть, не сходя с места. Кухня, гостиная, столовая и тренажерный зал – всё в одной комнате.

Кевин Горман сидит в стороне, на диванчике напротив телевизора. Он занюхивает щепотку кокаина и откидывается на спинку, прихватив со стола пистолет с наведенным глушителем. Быть может, для того, чтобы остановить кровотечение из носа. Или для чего-то другого.

– Чего ты там высматриваешь? – поворачивается Горман к Валью.

Тот еще ниже склоняется над картой.

– Эй, я с тобой говорю!

Йенс по-прежнему его не замечает.

– Эй, ты! Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Валь поднимает голову. Теперь Кевин боится, что был с ним груб.

– Папа, – говорит он. – Отныне ты должен называть меня только так.

Горман поднимает пистолет и целится в лицо Йенсу. После чего издает три звука, имитирующие выстрелы. Все это выглядит ужасающе правдоподобно, хотя и по-детски.

– Два в грудь, третий в лоб – и гуд бай, бедняга Йенс. – Кевин опускает пистолет. Снова склоняется над столом, берет очередную порцию кокаина.

Йенс возвращается к карте.

Черная маршрутная линия, как змея, оборачивается вокруг доброй половины земного шара.

За спиной раздаются шаги. Лотар Тидеманн становится рядом с Валем и тоже сосредотачивается на карте.

– Привет, – говорит ему Йенс.

– Привет, – отвечает Лотар.

Теперь они разглядывают карту вместе. Линия тянется в северном направлении, между Гаити и Кубой, а потом заворачивает на запад, в сторону Флориды. Эту часть пути планировалось преодолеть на грузовом судне, которое раз в месяц ходит по этому маршруту. На нем груз доставили до порта Майами, где суда разгружают, а товары перепакуют. Потом будет круизное пассажирское судно, отплывающее вечерним рейсом на Бермуды. С Бермуд пакет полетит в лондонский аэропорт Гатвик, самолетом «Британских авиалиний», а оттуда на частном автомобиле его отвезут до Фолкстоуна, британского устья Евротуннеля. Дальше будет французский поезд, следующий через Кале. И наконец – двенадцатичасовая марафонская гонка до Флоренции, в Италии. Это их конечная цель.

– Где самый опасный участок? – спрашивает Йенс.

Взгляд Лотара скользит по черной линии, соединяющей Колумбию с Италией. Палец замирает над картой и опускается в районе Бермуд.

– Здесь.

– Но почему не в Лондоне? Гатвик – пассажирский рейс, таможня, службы безопасности... в Европе?

– Все это ждет нас уже на Бермудах.

– То есть?

– Бермуды – британская территория. У нас есть свои люди на таможне.

Тидеманн вникал в проблемы, думал, предлагал решения. Йенс давно понял, что плен обернулся спасением для мальчика. Работа на дона Игнасио стала для Лотара чем-то вроде ежедневной рутины, краткого периода нормальной жизни посреди непредсказуемости и хаоса. Они ни разу не упомянули, что именно подлежало транспортировке, – наркотики.

– В конце концов, – продолжает Валь, – мы говорим о конкретных людях, которые должны оказаться в нужное время в нужном месте. Ну и, конечно, о взятках в очень крупных размерах. Хотя и об удачливости в известной степени тоже.

– Чего-чего, а удачи нам не занимать, – усмехается Лотар, указывая на Кевина Гормана, только что затянувшегося очередной порцией кокаина и выкрикивающего нечто непристойное в адрес доктора Фила^[4] на телевизионном экране.

Лотар никогда не упускает возможности подшутить над Горманом, когда тот не слышит. Это единственное, что ему остается. Кевин ненавидит пленника – доказательства тому Йенс наблюдает ежедневно. Рядом с Тидеманном Горман терзается чувством собственной неполноценности, и это пугает Валя.

– Скоро ты от него избавишься, – шепчет Йенс.

– От тебя тоже, – добавляет Лотар.

– Но я вернусь.

– Он тоже.

Йенс возражает, но не сразу:

– Там у тебя будет другая охрана. Не беспокойся, хуже его некуда.

Валь все чаще воспринимает Тидеманна как ровесника, не как семнадцатилетнего парня. Но время от времени – пусть совсем ненадолго – тот снова превращался в мальчишку. Полгода назад на глазах Лотара убили его мать, а самого его похитили и держали взаперти, после чего привезли в Колумбию, где его ждал ад. И с тех пор на лицо юноши легла тень, которая не сходила, несмотря на все его попытки воспринимать жизнь с прежней легкостью.

По ночам Лотара мучили кошмары – Йенс это слышал. Слышал, как пленник вставал с постели и выходил пройтись, если демоны не унимались. Как он плакал, уткнувшись лицом в колени. У Тидеманна не было никого, кроме Валя. И вот теперь тому предстоит уехать...

Йенс обнимает парня за плечи, заглядывает ему в глаза.

– И води себя тише, – шепотом добавляет он. – Главное – им до сих пор не удалось нас рассорить.

Лотар кивает, пытается улыбаться. Его жизнь беспросветна, хотя он всеми силами старается этого не показывать.

– Справишься?

Тидеманн снова кивает. Как будто стоит на пороге преисподней.

«Уоки-токи»^[5] на ночном столике пищит. Горман подносит ее к уху и что-то бормочет. А потом кладет на диван рядом с собой.

– У тебя двадцать минут, слышишь? – кричит он Йенсу.

Тот занимается картой. Проложить путь до самой Флоренции – часть его задания. Первый отрезок пути уже пройден – они перебрались из Колумбии в Майами через Карибское море с грузовым судном. Лотар и Йенс лежали на палубе – обсуждали маршрут, играли в карты, отдыхали... В том числе и от Гормана, который сидел в каюте – нюхал

кокаин и смотрел порно.

Дорожная кожаная сумка стоит на кровати, уже собранная. Валь уходит в ванную, собирает туалетные принадлежности. Мимоходом смотрится в зеркало – загорелый блондин, на лице с каждым днем множатся морщины. И эта тень, которая не сходит, – вероятно, она и есть его ненависть. Так кажется самому Йенсу, по крайней мере. Стоит остаться одному, как снова одолевают те же мысли. Убить Гормана, убить Арона Гейслера, убить Гектора Гусмана... Ненависть заставляет Валь идти дальше, она стала смыслом его жизни. Арон Гейслер, ближайший компаньон Гектора, выследил их в Дании и чуть не убил ножом Софию. Но она выжила. Йенс обнаружил ее на полу в кухне. В больнице она прошептала ему имя убийцы, и он поклялся отомстить... Не только Арону, но и Гектору, который его подослал.

Валь спиной чувствует присутствие Тидеманна.

– Тебе помочь?

Но Гектор – отец Лотара, и это создает определенные проблемы. Йенс чешет затылок.

– Положи все это в несессер, если не трудно.

Горман за их спиной входит в спальню. Переворачивает собранную сумку Йенса, вываливает содержимое на пол, обыскивает сумку вплоть до самого мелкого кармашка и опрокидывает еще раз. Потом он входит в ванную, хватая Лотара за волосы и вырывает из его рук несессер. Бьет его по лицу. За волосы выволакивает его в спальню.

Это ненависть. Кевин как гиена. Йенс хочет убить его, убить гиену, сломать ей хребет...

Но Тидеманн поднимается – снова и снова. Его глаза горят гордостью, он не даст себя унизить. Горман ничего не сможет поделать с этим, он пытается соблюсти баланс. И тут подворачивается Валь.

– Запрети мальчишке издеваться надо мной, – шепчет Кевин.

Йенс чувствует на лице его дыхание.

– Он не издевается над тобой.

– Он издевается, когда думает, что я не слышу. Он не должен этого делать.

Горман отступает на шаг. Валь чувствует себя униженным, беззащитным пацаном. Он опрокинут в отчаяние, как в пропасть. Кевин насаждает, он чувствует его слабость.

– Я застрелил Эрнста в голову, ты видел. Моя рука не дрогнула. Убить его было парой пустяков. То же самое я могу сделать и с ним.

Его улыбка отвратительна – кривые желтые зубы торчат из полуоткрытого рта.

– Ты веришь мне? – спрашивает Горман.

– Верю, – отвечает Йенс.

Они встретились в аэропорту имени Шарля де Голля, узнали друг друга в бесконечном людском потоке.

– Лееви! – воскликнул Гейслер.

– Арон!

Хриплые голоса, как из преисподней.

Они пошли навстречу друг другу.

– Ну как оно? – спросил Лееви.

– Мы потеряли все.

– Это плохо.

Лееви Ханнула – немногословный финн с высокими скулами – был соратником Арона Гейслера по Иностранному легиону. Они сражались бок о бок во многих конфликтах и вышли невредимыми – физически, по крайней мере. А потом расстались. Арон получил место телохранителя при Гекторе Гусмане, Лееви остался наемником в частном военном подразделении.

– Где Гектор? – задал Лееви новый вопрос.

– Прячется... Разве не все мы занимаемся этим?

Они стали пробираться сквозь толпу.

– Но теперь с этим покончено? – спросил Ханнула.

– Да, по крайней мере, в планах, – отозвался его друг.

– И каковы планы?

– Очень неопределенные. – Арон пожал плечами.

– Ну а если в самых общих чертах?

– Расскажи лучше о тех, кого нам нужно будет забрать.

Толпа расступалась при их приближении.

– Это два брата, перуанцы, – ответил Лееви. – Живут в Лиме, служили в милиции, гонявшей коммунистов еще со времен Сендеро Луминосо^[6]. Потом нанимались контрактниками в разные охранные агентства. Я имел с ними дело в Ираке и Конго-Киншасе^[7].

Гейслер быстро взглянул на собеседника.

– И как они?

– Хороши. Но проблематичны в общении.

– В смысле?

Лееви задумался.

– Они как дети.

– Молоды?

– Постарше нас, обоим по пятьдесят с лишним. Но они – то, что тебе нужно.

– А что мне нужно?

– Пара хороших парней вместо множества «так себе».

– И чем же они хороши?

– Невидимы для любых радаров. Не привязаны ни к каким криминальным группировкам. Неуловимы. Неузнаваемы.

– И кому они служат?

– Никому. Самим себе.

Приятель вышел из зала прибытия. Здесь, в проходе, народу было меньше.

Арон нашел свободную скамью, рассчитанную на трех человек, с видом на взлетную полосу.

– Ну, что там с планами? Все так же не определены? – Лееви держал две чашки кофе, по одной в каждой руке. Потом он поставил одну между собой и Гейслером, а вторую обхватил обеими руками, как когда-то фляжку с водкой на поле боя.

– Для кого как. – Арон сделал глоток, и кофе обжег ему язык.

– А если конкретней?

– Мы должны добыть одного человека.

– Кого?

– Сына Гектора.

– У Гектора есть сын?

Гейслер не сводил глаз с самолета авиакомпании «Этихад». Рейс 787 шел на посадку.

– Да, – ответил он Лееви. – Мы узнали о его существовании полгода назад.

– Как его зовут?

– Лотар.

– И где он сейчас?

– У дона Игнасио Рамиреса в Колумбии.

Ханнула поднял бровь.

– У наркоторговца?

Арон не ответил. Привычным движением он пригладил прямой пробор в своих черных волосах.

– Киднеппинг? – спросил Лееви.

Гейслер кивнул.

– Как?

Самолет коснулся земли.

– Ральф Ханке и дон Игнасио объединились, чтобы уничтожить Гектора, вывести его из игры. Существование Лотара скрывалось на протяжении многих лет. Они отыскивали его в Берлине, убили его мать, а самого мальчика похитили.

Гейслер плотнул из чашки.

– О'кей, – кивнул Ханнула. – Мы доставим Лотара к его папе. Что дальше?

– Мы должны получить обратно все, что потеряли, – сказал Арон. – И получить еще кое-что в придачу. Но это уже вторая часть плана.

Пространство вокруг них постепенно заполнялось народом.

– Дон Игнасио Рамирес? Ральф Ханке? – переспросил Лееви. – Это большие люди и большие силы. А нас... двое?

Арон снова повернулся к стеклу.

– Еще Лешек и Соня. Ну и Гектор.

– Все равно мало.

– Мало, – согласился Гейслер. – И больше не будет.

– Почему?

– Мы на мели, нам нет смысла светиться. Игнасио и Ральф Ханке ищут Гектора. Один неосторожный звук – и мы пропали. Поэтому группа такая маленькая.

Некоторое время они пили кофе и наблюдали за самолетами, которые взлетали и садились.

– А ты изменился, Арон, – заметил Лееви.

Гейслер удивленно посмотрел на финна.

– Странно слышать от тебя такое.

– Странно видеть тебя таким, – отозвался Ханнула.

– Я старею.

– Я не о том, – перебил его Лееви. – Здесь что-то другое.

Нависла пауза.

– Мне пришлось тяжело в последние годы, – сказал Арон.

Его бывший однополчанин тряхнул головой.

– Нет, не то. Что случилось, Арон? Давай выкладывай.

Гейслер поставил пустую чашку на скамью между ними.

– Умерла одна женщина, – не сразу ответил он.

– Красивая?

Арон задумался.

– Возможно, но не для меня.

– Несчастный случай?

На их языке это означало гибель от случайной пули.

Гейслер покачал головой.

– Нет.

– Тогда что?

– Я убил ее. – Арон коротко взглянул на Лееви. – Ножом, – пояснил он, словно для того, чтобы хоть как-то заполнить нависшую паузу.

Ханнула прищурился.

– Почему? – шепотом спросил он.

Его друг подождал, пока стихнет гул самолета на взлетно-посадочной полосе.

– Любовь Гектора, ее звали София. Она предала нас, работала на Ханке и дона Игнасио.

Лееви недоверчиво посмотрел на приятеля.

– И что теперь?

Арон вздохнул.

– Теперь я не так уверен, что поступил правильно. Мне может потребоваться твоя помощь, Лееви. Что, если Гектор узнает, что это сделал я?

– А он не знает?

– Ему известно только, что она умерла.

Ханнула молчал, и его собеседник продолжил:

– Я сам принял такое решение. – Он был вынужден сделать это.

Но прежней уверенности в этих словах не чувствовалось.

В этот момент затрещали динамики, и женский голос с французским акцентом объявил о начале посадки на рейс 480 до Лимы.

Самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу, помчался, набирая скорость, под нарастающий гул моторов и оторвался от земли. Где-то под ногами Софии сложились шасси. Пока машина, разворачиваясь в северо-западном направлении, входила в облачный фронт, в иллюминаторе исчезала Прага.

Бринкман боялась летать. Не то чтобы страдала фобией на этой почве, но в воздухе чувствовала беспокойство. Где-то она слышала, что это бессознательный страх.

«Аэробус» поднимался в искрящееся солнцем голубое небо. Набрал высоту – и надпись на щитке с просьбой пристегнуть ремни погасла. Правда, София не спешила снимать свой ремень. От еды и напитков она отказалась. Через два с половиной часа самолет приземлился в залитом солнцем аэропорту Арланда.

Очередь к стойкам паспортного контроля продвигалась медленно. Бринкман теребила пальцами страницы бордового паспорта, разглядывала фотографию в нем. Это и в самом деле была она – четыре года назад. Там же стояли ее настоящий персональный номер и имя.

– Следующий.

Полицейский за стеклом сделал ей знак, выставив три пальца. София шагнула за белую линию и протянула ему паспорт.

Мужчина прочитал персональный номер, а потом взглянул в ее лицо, просканировал страницу с фотографией и вернул документ.

– Добро пожаловать домой.

И в тот момент, когда Бринкман впервые за пять месяцев ступила на землю Швеции, информация об этом прорвалась на серверы полиции и миграционных служб, отфильтровалась, идентифицировалась с хранившимися в компьютерах персональными данными и была выпущена в космическое пространство, откуда, облетев несколько раз земной шар, вместе с геостационарным спутником поступила на бельгийские серверы, где подверглась шифровке, прежде чем оказаться в офисах Интерпола в Лионе и Европола в Гааге.

* * *

София вышла в зал прибытия. Он стоял там, как и договаривались. Наполовину седые волосы зачесаны назад, глаза за круглыми очками в оправе под черепаховую настороженно следили за ней. Стильная щетина обрамляла плотно сжатые губы. Он надел костюм и галстук, несмотря на июньскую жару.

– Вы адвокат?

– А вы София Бринкман... Томас Розенгрэн, – представился мужчина.

* * *

– Я ничего не знаю о вас, – говорил он в такси по дороге в Стокгольм, – и понятия не

имею, как буду представлять ваши интересы. Вероятно, никак, если придерживаться инструкций, которые были в письме.

У него был стокгольмский выговор и резкие интонации. При этом спутник Софии не производил впечатления грубияна. Просто Томас Розенгрэн говорил конкретно, без обиняков и немного расслабленно. Бринкман импонировала эта его манера.

– И что вы обо всем этом думаете? – спросила она.

– О том, что мне не нужно вас представлять?

– Неужели прямо так и было сказано в инструкциях?

– Нет, там говорилось, что я должен сопровождать вас, пока буду вам нужен. Вы сами скажете, когда мне уйти.

– Вот как. – София слабо улыбнулась.

– Но я не согласен, – продолжал Розенгрэн. – Полагаю, мне все-таки имеет смысл вникнуть в суть вашей проблемы.

– Это не вам решать, – оборвала его женщина.

– Мне – если я буду как адвокат представлять ваши интересы.

– Возможно, не будете, – сказала Бринкман.

На лбу юриста залегла морщина.

– Деньги дошли? – спросила София.

Он кивнул.

– Но если не я... Тогда за что деньги?

– За то, что вы – известный адвокат.

– Известный? Только за это? – рассмеялся мужчина.

– Пока так, Томас. Мне жаль...

Бринкман почти улыбалась.

* * *

Проститутка стояла на четвереньках.

Томми Янссон брал ее сзади. Он сосредоточенно трудился, в то время как женщина расписывала, какой у него огромный член и какой он сильный мужчина.

– Заткни пасть, – выдавил сквозь зубы Томми.

Прикрыв глаза, он ускорил темп. Вероятно, попытался распалить воображение, но безуспешно. Янссону следовало скорее удивляться, как у него вообще хоть что-то получилось. Он возбудился на пустом месте. Как и она, похоже. Но теперь надо было довести это до конца. Он прибавил темп, крепче зажмурил глаза и постарался ни о чем не думать. В конце концов, до сих пор все шло нормально.

В кармане спущенных штанов завибрировал телефон.

– Черт! – выругался Томми.

Он попытался сосредоточиться, но силы были на исходе.

Жалобно вздохнув, мужчина встал с кровати и надел штаны. Вытащил из кармана пятисотенную купюру, положил на постель.

– Мы договаривались на тысячу, – напомнила женщина.

– Доплачу в следующий раз, – пробурчал Томми.

Проститутка лежала на простыне – крашенные хной волосы, бледная кожа, порезы на

руках. В день их первой встречи она сказала, что ее зовут Кассандра и что это имя падшего ангела. Они познакомились несколько месяцев тому назад.

Янссон прищурился, открывая в мобильнике папку с сообщениями. Он страдал близорукостью и два месяца тому назад приобрел очки для чтения. Сейчас они красовались у него на лбу, но об этом Томми вспомнил не сразу. Он опустил их на нос и повернулся к проститутке:

– Сколько раз можно повторять, прекрати болтать во время секса, Кассандра.

– Закрой пасть, идиот чертов, – отозвалась женщина.

Потом она поднялась с постели и удалилась в ванную.

В мобильнике Томми висело автоматическое эсэмэс-сообщение из Европола. Всего несколько строчек: имя Софии Бринкман, персональный номер и номер паспорта, а также информация о том, что около часа назад она пересекла границу паспортного контроля в Арланде.

* * *

Дорога на автомобиле от пригорода, где находился Томми, до полицейского участка в центре Стокгольма обычно занимала двадцать пять минут. Если включить сирену, можно уложиться в четверть часа. Хорошо, если бы в гараже оказался свободный лайн.

Томми набрал номер Эдди Бомана. Тот ответил после второго сигнала.

– Жди возле участка, я буду через пятнадцать минут, – сказал ему Янссон.

– Куда поедем? – спросил Эдди.

– Какая тебе разница?

Томми выругался и дал отбой. Вышел, сел в машину и нажал на газ.

Эдди Боман. Тридцатилетний следователь, который работал на том же этаже, что и Янссон. Раньше он сотрудничал с СЭПО^[8], и Томми рекрутировал его для операции криминальной полиции. Но в его группе Эдди был скорее мальчиком на побегушках, чем следователем. Он делал все, что прикажет Томми. Поскольку тому было чем на него при случае нажать.

Боман поджидал его возле полицейского участка на залитой солнцем улице. Широкоплечий крепыш ростом метр восемьдесят, он ловко проскользнул на переднее сиденье. Салон заполнил запах мужской парфюмерии.

– Ты воняешь, как французская шлюха, Эдди, – сказал Томми. – «Кольт» при тебе?

– В гараже, – тихо ответил Боман. – У меня в машине, в перчаточном ящике.

Этот «кольт» – черный автоматический пистолет – Янссон приобрел на всякий случай в прошлом году вместе со всеми документами у одного албанца, заправлявшего наркопритоном в городе.

– Заряжен? – уточнил Томми.

– Да, – чуть слышно пролепетал Эдди, и глаза его недовольно сверкнули.

Решетчатые ворота раздвинулись, и машина въехала под темные своды гаража полицейского участка.

– Мы охотимся за одним человеком, – объяснил Томми. – Это женщина, ее нужно взять и отвезти в лес. Понимаешь?

Боман кивнул.

– Это последнее задание, Эдди, – объявил Янссон. – Сделай это, и мы в расчете. Ты будешь свободен.

Его собеседник смотрел вдаль.

Телефон Томми зазвонил.

– Да?

– Меня зовут София Бринкман, – сказал голос в трубке.

Вселенная замерла в ожидании, небо упало на землю, время остановилось.

– Да? – повторил Янссон.

– Я хочу с вами встретиться.

Томми прокашлялся.

– Где вы находитесь?

– Я и мой адвокат ждем вас в здании полицейского участка в вестибюле.

* * *

Софию и Томаса Розенгрена проводили в комнату для допросов с бетонными стенами. Железная дверь с лязгом захлопнулась. Посередине комнаты стоял стол и четыре стула с вмурованными в пол ножками. Все расселись, и стало тихо.

– Когда допрос начнется, я попрошу вас выйти, – обратилась София к Розенгрону.

– Насколько вы влипли? – поинтересовался тот.

Бринкман задумалась. Она чертовски здорово влипла – таков был правильный ответ.

– Спасибо за помощь, – сказала София, словно желая таким образом извиниться перед юристом.

– Звоните мне в любое время.

– Спасибо, Томас, обязательно это сделаю, – ответила она.

Дверь открылась, и на пороге появился Томми Янссон – в молодежных джинсах и пуловере, из V-образного выреза которого торчал воротник рубахи. Очки для чтения были подняты на лоб.

Томми пожал руки обоим присутствующим, избегая смотреть Софии в глаза.

– Мы виделись с вами раньше, – сказал он адвокату.

– Да, много раз в судах.

Янссон сел напротив них. Розенгрэн прокашлялся.

– Я представляю интересы Софии Бринкман, – начал он. – Мне сообщили, что сегодня вы, Томас Янссон, намереваетесь допросить мою клиентку. Она просила меня при этом не присутствовать.

– Вот как? – удивился Томми.

Томас Розенгрэн поднялся и быстро вышел из комнаты.

Дверь закрылась. Повисла пауза, в течение которой Янссон пытался собраться с мыслями.

– Адвокат уходит с допроса – это что-то новенькое. – Он коротко рассмеялся.

София не отвечала – только смотрела на него, и Томми опустил глаза в свои бумаги. Наконец он прокашлялся.

– София Бринкман, вы объявлены в международный розыск. Вас ни в чем не подозревают, но вы стали свидетелем ряда интересующих нас событий. Большинство из них

связано с Гектором Гусманом.

– Томми, – перебила его женщина.

Он поднял глаза.

– Да?

Бринкман показала в угол комнаты, откуда на них смотрела камера.

– Она работает?

– Что-что? – не понял Томми.

София ждала ответа.

– Нет, камера не работает, – сказал наконец Янссон.

Женщина показала на микрофоны в центре стола. Томми покачал головой:

– Выключены.

София разглядывала сидевшего перед ней мужчину. Его черные с проседью волосы давно нуждались в стрижке. Ухоженные усы свисали к уголкам губ. Глаза были пустые, почти мертвые.

– Я хочу рассказать тебе одну историю, Томми Янссон, – начала Бринкман. – Прошу выслушать ее по возможности не перебивая.

В глазах Томми блеснула насмешка, его губы тронула безрадостная улыбка, а взгляд совсем потускнел. Он откинулся на спинку стула.

У Софии возникло чувство, что именно сейчас она видит перед собой настоящего Томми. Что эта горькая насмешка, как ничто другое, отражает его внутреннюю сущность. Что все остальное – Томми решительный, Томми легкомысленный, Томми приятный – не более чем театр. Набор масок, надеваемых соответственно ситуации. Томми Янссон – стратег. Он лучше любого актера. В противном случае не продержался бы так долго.

Но сегодня этот человек на несколько секунд утратил свою маску: просто забыл о ней, и она соскользнула. Исполненный презрения и злобы, Томми сидел напротив Софии. словно выходец из преисподней, ночной кошмар – за пределами всякого разума.

– Почти год назад я познакомилась с Гектором Гусманом, – начала Бринкман. – Он поступил в больницу, где я работала медсестрой. Его сбила машина в центре Стокгольма.

Янссон слушал. Презрительное выражение на его лице сменилось предельной сосредоточенностью.

– Когда Гектор выписался, мы стали общаться, – продолжала София. – А потом я сошлась с твоей коллегой по имени Гунилла Страндберг. Она хотела, чтобы я снабжала ее информацией о Гекторе и его группе.

– И ты это делала? – спросил Томми.

На некоторое время он почувствовал себя на своем месте – полицейским, ведущим допрос.

– Собственно, я ничего не знала, мне нечего было ей дать. Сведения, которые я предоставляла, касались лишь некоторых людей, которые общались с Гектором. Но это не имело значения, потому что Гунилла и ее брат Эрик, с которым она вела расследование дел Гектора, были коррумпированы. Используя полицию как прикрытие, они прибирали к рукам огромные суммы. Теперь они хотели денег от Гектора.

София следила за лицом Томми. Он поднял брови и вообще выглядел удивленным. Но это был спектакль: он прекрасно знал, о чем говорила Бринкман.

– Люди Гуниллы пытались похитить моего сына, – продолжала София. – Но вместо этого сбили его на машине. У Альберта сломан позвоночник, он теперь прикован к

инвалидному креслу.

Янссон изобразил сочувствие.

– Мне жаль.

– В конце концов Гунилле удалась сделка с Гектором. Они обещали ему возможность работать в Стокгольме под их полицейским прикрытием. Встречу назначили в ресторане «Трастен» в Васастане, где Гектор должен был передать Гунилле деньги.

На лицо Томми снова легла тень.

– Но вместо этого в ресторане завязалась перестрелка, – продолжала София. – Гектор бежал.

Глаза Янссона сузились.

– В группе Гуниллы был один полицейский, – рассказывала Бринкман. – Поначалу он не догадывался, чем они занимаются. Думал, Гунилла и в самом деле ведет расследование против Гусмана.

София остановилась, поймала взгляд следователя.

– Его звали Ларс Винге, – сказала она.

Томми смотрел на нее мертвыми глазами.

– Понимаешь, к чему я клоню? – спросила женщина.

Янссон вперился в нее взглядом, дернул плечом, и в глазах у него мелькнула чуть заметная улыбка. Губы снова презрительно скривились.

– Со временем Ларс Винге понял, что с Гуниллой что-то не так, – продолжала София. – И начал свое расследование против начальницы. Материал с камер и микрофонов, которые Гунилла велела ему установить в моем доме, он использовал против нее. Постепенно картина для него прояснялась: Гунилла и ее группа занимались вымогательством денег. Винге вышел на тебя, Томми Янссона, начальника Гуниллы. Он передал тебе доказательства, которые успел собрать. Доверился тебе.

Томми сохранял невозмутимость. Он лишь бегло взглянул на наручные часы.

– Ларс Винге передал тебе сумку. То, что в ней было, со всей наглядностью демонстрировало, чем занималась твоя коллега Гунилла на протяжении нескольких лет. Ты, конечно, сильно удивился, потому что не имел обо всем этом ни малейшего понятия. Вероятно, ты даже почувствовал себя обманутым, да, Томми?

Лицо Янссона омрачилось, и взгляд стал непроницаемым. Он поскреб пальцами щеку, а потом подбородок – до боли.

– Я знаю твои проблемы, Томми, – добавила Бринкман. – Твоя жена Моника больна БАС. Тогда ее состояние ухудшилось. Нужно было срочно раздобыть денег, много денег. Ты ведь надеялся, что они ее спасут?

Мужчина скрестил на груди руки.

– Ты сделал свой выбор Томми, – продолжала София. – Ты делал его несколько раз, снова и снова, пока окончательно не вышел на новую дорогу.

Глаза Янссона чуть заметно сверкнули.

– Не знаю, как там у вас получилось. Возможно, вы с Гуниллой поехали к Винге домой вместе. Или кто-то из вас появился у него раньше, а другой потом, – предположила Бринкман. – Но в конечном итоге ты застрелил их обоих. И представил дело так, будто Винге убил начальницу, а потом покончил собой.

Руки на груди Томми чуть сдвинулись вверх.

– Ты закончила? – спросил он.

– Ты прибрал к рукам большие деньги – всё, что удалось собрать Гунилле за эти несколько лет, – спокойно продолжала София. – Ты перевел их с иностранных счетов. По большей части себе, но делал и крупные перечисления в некоторые медицинские учреждения, где занимаются исследованиями БАС. Это притом, что твоей жене уже ничто не могло помочь. Правда, кроме нее, ты пытался спасти себя. Поэтому убивал всех, кто мог тебя хоть в чем-нибудь заподозрить.

Тишина.

Похоже, Томми терял контроль над ситуацией – София видела это. Его руки лежали на подлокотниках кресла, и это выглядело не вполне естественно. Янссон показал пальцем на дверь:

– Там твои коллеги, да? Жаждающие крови преступного полицейского...

Он попытался улыбнуться – не получилось. Руки снова скрестились у него на груди.

– Чего ты хочешь? – прошептал Томми. В уголках его губ выступила слюна.

София выждала несколько секунд, прежде чем ответить:

– Я хочу, чтобы ты выследил Гектора Гусмана и Арона Гейслера. Сделай это как полицейский, объяви международный розыск. Пусть все будет по закону.

Янссон удивленно посмотрел на женщину.

– И что дальше?

– Посади их за решетку.

– Вот как?

– Ты ведь ведешь расследование? Закончи его. Сорви аплодисменты и живи как честный человек.

– Но у меня ничего нет против Гусмана. Ничего определенного, во всяком случае.

– Я помогу тебе.

Томми внимательно следил за лицом собеседницы.

– Могу я знать, зачем тебе это нужно?

– Нет, – ответила она.

На некоторое время снова стало тихо.

– А если у меня не получится? – задал Янссон следующий вопрос.

София наклонилась и выложила на стол кипу бумаг.

– Здесь все, что я рассказала, разве что подробнее. Это бомба, Томми Янссон. Все начинается с того, как ты вымогал деньги. Дальше идет глава про убийство Гуниллы Страндберг и полицейского Ларса Винге.

Томми не двигался.

– Ну а потом действие стремительно набирает обороты. Убийства, исчезновения людей... Среди прочего – подробное описание того, как ты пытался утопить Майлза Ингмарссона и как застрелил Антонию Миллер в Дании. И это далеко не всё.

Снова нависла пауза.

– Майлз, – сказал Янссон, как будто успокоившись. – Так это он устроил все это?

София не отвечала.

– Я бы про него такое не подумал, – добавил следователь.

– Это все, что я хотела тебе сказать.

Бринкман встала, взяла сумку и вышла из комнаты, не удостоив Томми ни единым взглядом.

Янссон прикрыл глаза и потер пальцем переносицу. Тишина кого угодно сведет с ума. Эта комната была задумана такой с самого начала – теснота, полная звукоизоляция. Хотя медсестру, похоже, все это не смутило. София Бринкман была само самообладание.

Томми вытер рот. Он никогда не подумал бы, что эта женщина способна на такое.

И тем не менее...

Как спокойно она говорила! И словно не замечала Томми, как будто тот был прозрачным. Нет, это не игра. И не театр. Сколько достоинства и силы – и ни грамма жалости. А формулировки! Янссон чувствовал себя ничтожеством рядом с ней. Один ее взгляд чего стоил...

И как она только вышла на эту информацию?

Посади Гектора – и ты свободен, сказала она. Неужели предлагает честную сделку? Нет, последнее крайне маловероятно.

Внутренний голос говорил Томми: «Вставай, догони ее, выбери момент, выстрели ей в голову, а потом закопай в лесу». Но был и другой голос: «Сиди на месте, сейчас не время. Она не пришла бы сюда, если б не была уверена на все сто в собственной неуязвимости».

Томми посмотрел на кипу бумаг на столе и осторожно приподнял верхний чистый листок. Здесь было то, о чем она только что говорила: детальное описание обстоятельств смерти Гуниллы Страндберг и Ларса Винге. А дальше шла информация о том, как деньги Гуниллы перетекли на счет Томми Янссона.

Он пролистал несколько страниц.

Дальше – больше. Свидетельские показания Майлза об убийстве его коллеги Антонии Миллер. Описание попытки убийства самого Майлза. И все в скупых, канцелярских выражениях – взвешенно, доказательно, профессионально. Местами почти драматично. Лакомый кусок для прокурора, для прессы. Вполне достаточно, чтобы положить Томми под гильотину как минимум три раза. И при этом ни слова о ней самой, о Софии.

Янссон откинулся на спинку стула. Уставился в пустоту перед собой, барабанил костяшками пальцев по подлокотнику. С шумом выпустил воздух.

Черт возьми, он недооценил эту женщину.

Томми вытащил мобильный и набрал номер Эдди.

– Проследи за ней, – прохрипел он в трубку и дал отбой.

Белый деревянный дом располагался на возвышенности, в десяти километрах к северу от полицейского участка в Стокгольме. От него веяло дружелюбием и покоем. При всем том беспорядке, который царил вокруг, он как будто жил в симбиозе с наполовину запущенным садом, землей и небом. Дом ее детства.

София стояла на обочине, пока такси исчезало за скатом дороги. Зеленые луга пестрели цветами. Июнь, наверное, ее любимый месяц. Воздух наполнился щебетанием птиц. Бринкман пошла по гравийной дорожке к воротам, вдыхая запах сирени.

Они никогда не запирались – Ивонна и Том.

София прошла в прихожую.

– Эй!

Собака по кличке Рат – брехливая помесь терьера и дворняги – уже сбегала по лестнице. Но тут послышались шаги со стороны кухни, и собака утерла пыл.

– Боже мой! – всплеснула руками Ивонна.

– Здравствуй, мама.

Хозяйка не тронулась с места.

– Как Альберт?

– С ним всё в порядке, – ответила гостья.

Они не бросились друг другу в объятия. Собака застучала лапами, поднимаясь по лестнице.

– Где Том? – спросила София.

– Он пошел к сыну, – ответила Ивонна.

И мотнула головой, словно не понимая, почему вообще должна объяснять такие само собой разумеющиеся вещи.

– Где ты была, София, и что сейчас здесь делаешь? – спросила затем мать.

Голос у нее был само отчаяние. Но Ивонна тут же удалилась, так что ответить ей дочь не успела.

На кухне стоял запах тимьяна. София присела на длинную скамью возле деревянного стола в деревенском стиле.

– Мама...

– Да?

– Скажи мне что-нибудь.

– Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?

– Что угодно.

Ивонна обернулась и вытерла руки кухонным полотенцем. Мотнула головой:

– Я не могу.

– Почему же?

Хозяйка дома положила полотенце на скамью. Чем больше она старела, тем медленнее передвигалась.

– Потому что тогда я буду злиться на тебя, – ответила Ивонна. – А я не хочу так.

– Злись, пожалуйста.

– Не могу, не выдержу.

Окно за спиной гостьи было приоткрыто. Во дворе щебетали птицы, жужжали мухи.

– Зачем ты пришла, София?

– Я не знаю.

– Ты не должна отвечать мне так.

София ждала другого, но чего? Объятий? С какой стати? Ивонна никогда не была ласковой матерью, да и дочь не привыкла рассчитывать на ее поддержку.

– Альберта сбила машина, – продолжала Ивонна. – А ты ничего не сказала мне, просто исчезла. Я пыталась выйти на тебя, но ты держала дистанцию. Я знала, что тебе пришлось нелегко. Я хотела поговорить с тобой, помочь тебе. Но ты оборвала все связи, замкнулась, отгородилась от меня. Я выжидала, ни о чем не спрашивала. Беспокоилась, не находила себе места, но молчала. Только старалась обратить на себя твое внимание.

Ивонна смотрела в пол.

– Я старалась обратить на себя твое внимание, – повторила она. – Боже мой, я всю жизнь только этим и занималась! – Подняла глаза. – И ненавижу себя за это.

– Я рассчитывала на твое понимание, – стала оправдываться София.

– И как я должна была понять твое молчание?

– Все было слишком опасно и произошло слишком быстро.

– Я понимаю, – сказала Ивонна. – И в то же время не понимаю. Все, что мне остается, – смириться. И это то, что я делала всегда.

Ее дочь молчала.

– Есть ведь и другие способы, – продолжала мать. – Можно позвонить, дать какой-нибудь знак. Просто намекнуть, что всё в порядке... Все же лучше, чем гробовое молчание.

– У меня не было выбора, – ответила София.

Ивонна приоткрыла рот, словно хотела что-то сказать, но промолчала. Похоже, она все-таки поняла. Сонная, вязкая тишина наполняла комнату и как будто замедляла движения.

– Прости, мама, – сказала София.

– Прости, София, – отозвалась ее мать.

Никто из них не понимал, что стоит за этим словом, но ситуация вдруг переменялась, как будто обе женщины почувствовали под ногами твердую почву.

София посмотрела на мать и смахнула с лица слезы.

Ивонна всегда была такой – суетливой и слишком зависимой от чужого мнения. Завышенная самооценка являлась для нее главным источником жизненной энергии, особенно после смерти отца Софии. Но за последние годы что-то изменилось. Все, что в ней было особенно неприятного – разный нарциссический мусор, ставший вследствие сильных переживаний ее частью, самовлюбленность и самолюбование, желание всегда быть в центре внимания и слишком одностороннее видение жизненных ситуаций, – постепенно исчезало. И сквозь все это пробивался новый человек. Более земной, именно такой, какого с детства недоставало ее дочери.

– Около года назад я познакомилась в больнице с Гектором Гусманом, – начала София. – Он поступил в наше отделение после того, как его сбила машина в центре Стокгольма.

Она тряхнула головой и опустила глаза в стол. Ивонна слушала.

– Он был само очарование и обходительность, – продолжала София. – С ним было легко. Он выписался через два дня и пригласил меня на обед. Мы начали общаться. – Она подняла глаза на мать. – Почти сразу на меня вышла полиция в лице Гуниллы Страндберг. Она вела расследование против Гектора Гусмана. Я должна была предоставлять ей информацию, что и делала, насколько это было в моих силах. Моя работа практически ничего не значила ни для одной из сторон. Имена – вот все, чем я располагала. Но полиция хотела выжать из меня больше. Кроме того, я все ближе сходилась с Гектором.

В дверях появилась Рат. Она немного постояла на пороге, будто искала повод залаять, а потом, стуча когтями по полу, подошла к Софии и легла под столом у ее ног.

– Двое мужчин, – продолжала та, – приехали в Стокгольм, взяли Гектора и отвезли его в лес. Угрожали ему. А потом среди всей этой чехарды появился Йенс Валь, ты его помнишь?

На лице Ивонны проступило удивление. Она задумалась.

– Йенс Валь? Как будто помню. Йенс Валь... – повторила она почти про себя. – Твой приятель? Жил где-то на архипелаге, в шхерах. Он как будто даже обедал у нас... Ты тоже иногда к нему ездила – когда же это было?

– Давно, – ответила София. – Я была подростком.

Теперь мать вспомнила.

– Так что, говоришь, он опять появился?

– Ему был нужен Гектор, по другому делу. Йенс поехал с нами. Мы нашли Гектора и освободили его. Но обстановка вокруг меня все накалялась. Я видела и знала слишком много. Я влипла...

– А полиция? Им ты обо всем этом не рассказывала?

София покачала головой:

– Нет.

– Почему?

– Меня прослушивали.

– Кто?

– Полиция.

Лицо Ивонны отразило непонимание.

– Весь мой дом в Стоксунде был утыкан «жучками», – объяснила дочь. – Камеры отслеживали каждое мое движение. Полиция была коррумпирована.

Рат под столом зарычала, и хозяйка шикнула на нее.

– Продолжай, – обратилась она к Софии.

– Двое полицейских из группы Гуниллы сбили Альберта на машине.

То, что случилось с Альбертом, не укладывалось в головах обеих женщин.

– «Трастен» – ресторан в Васастане, – продолжала София. – Ты, наверное, читала об этом в газетах?

Ивонна кивнула.

– Я была там, – сказала Бринкман. – Погибли люди.

Воспоминания хлынули потоком.

– Я и Гектор бежали из Швеции, – рассказывала София. – Мы полетели в Малагу, а оттуда на автомобиле поехали в Марбелью, в дом отца Гектора. По дороге нашу машину обстреляли. Гектора ранили, он оказался в коме. Примерно в то же время его отца убили в собственном доме. Мы срочно приняли меры предосторожности. Гектора увезли в горы и спрятали в надежном месте. В доме, где его разместили, за ним ухаживали. Я осталась с ним. Вернись я в Швецию, меня тут же выследила бы и убила полиция.

Ивонна смотрела в пол. Потом она медленно провела пальцем по скуле.

– Продолжай.

– Группа Гуниллы распалась. Некоторые из полицейских погибли, другие пропали без вести. У меня появилась возможность вернуться в Швецию, к Альберту.

– Ты чувствовала, что со мной все не просто, но молчала. Ты молчала и...

Хозяйка дома качнулась на стуле, будто под внезапным порывом ветра, и зажала ладонью одно ухо.

– Я должна была сидеть тихо, – прошептала София.

Потом она поднялась и взяла мать под локоть. Ивонна стала такой хрупкой... София усадила ее на стул возле крана, налила в стакан воды и присела рядом на корточки.

– Я закончила, мама.

Ивонна выпила воды и затрясла головой:

– Нет, продолжай. Я хочу знать все.

Эдди Боман следовал за такси, в котором ехала София, до самого Юрхольма. Он зашел в ворота, огляделся и увидел пожилую женщину на кухне – вероятно, ее мать. Прячась за кустарниками, приблизился к окошку. Оно было приоткрыто. Эдди присел на корточки, прислонившись спиной к стене. Отсюда ему были слышны лишь отдельные слова, обрывки фраз; остальное словно увязало в теплом летнем воздухе... И все-таки это было кое-что. Боман стал записывать разговор на мобильник.

Он не знал, кто такая София Бринкман – Томми никогда ему о ней не рассказывал. Наверное, это к лучшему: легче будет выполнить заключительную часть задания. Одно было ясно: Янссон опять взвалил на него самую грязную работу.

Эдди записал все, что услышал. Смысл отдельных реплик постепенно прояснялся. Их было вполне достаточно – во всяком случае, для того, чтобы понять: София Бринкман здорово влипла.

Боман расслышал имена Гектора Гусмана и Гуниллы Страндберг, которая вела расследование против него и была убита. Ее застрелил коллега по имени Ларс Винге. В разговоре всплыло еще одно знакомое название: ресторан «Трастен», где развязалась бойня. Эдди читал об этом в газетах. Но о ней там ничего не было... О Софии Бринкман.

Ивонна смотрела в пустоту перед собой. Руки ее лежали на кухонном столе.

– Арон, правая рука Гектора, – продолжала София, – не знал, как вести себя со мной, пока шеф в коме. Я знала слишком много и тем самым представляла угрозу для всей организации и для него лично. Не будь я подругой Гектора, он давно со мной расправился бы. – Взгляд ее затуманился, и воспоминания хлынули с новой силой. – Он втянул меня в эту организацию. Заставил работать на них, чтобы всегда иметь меня перед глазами.

Взгляды женщин встретились.

– Я жила двойной жизнью: разъезжала по миру, заключала сделки от имени Гектора, лгала его компаньонам. И все ради того, чтобы сохранить жизнь себе и Альберту. Я каждый день молилась о выздоровлении Гектора. Если б он умер, Арон первым делом убил бы нас обоих. Наши с Альбертом жизни зависели от его состояния.

София замолчала. Звуки летней природы за окном снова навеяли воспоминания. В кроне ели заливался черный дрозд, ему подпевали другие птицы. Когда-то София умела подражать им, отец научил ее. Но теперь, конечно, забыла.

– На самом деле все просто, – сказала она.

– Что просто? – не поняла ее мать.

– Все это... Жизнь.

Рат снова зарычала; Ивонна снова шикнула.

– Для большинства людей это так, – ответила она на замечание дочери. – Все переменится, вот увидишь.

«Все переменится» – эти слова накрепко засели в голове Софии.

– Я старею, – добавила хозяйка дома и прокашлялась. – С возрастом жизнь меняется.

Краски и воспоминания блекнут и в то же время становятся яснее. Я не могу найти этому объяснения. – Ивонна отвернулась к окну и прищурилась – Но нам с тобой пришлось принести жертву.

Ее дочь вздрогнула, собиралась возразить, но мать опередила ее.

– Я знаю, что ты хочешь сказать мне, София. Что эта жертва – у меня в голове. Но эта твоя манера всех примирять, делать вид, что ты выше противоречий... Есть в ней что-то нечестное.

Бринкман наморщила лоб, судорожно пытаясь понять.

– Раньше ты была другой, – сказала Ивонна.

– Раньше?

– До смерти папы.

София промолчала, ожидая разъяснений.

– Ты была открыта миру, радовалась жизни. Говорила без умолку, задавала много вопросов, ничего не боялась, наконец. Ты никак не хотела учиться завязывать шнурки – у тебя не было на это времени. Ты кипела жизнью и проводила много времени с папой. Я даже завидовала...

Теперь настала очередь Софии делать удивленные глаза.

– Завидовала? Мне или папе?

Ивонна покачала головой.

– Твоей свободе, твоему умению быть независимой. Но когда Георг ушел, ты изменилась. Ты окружила себя защитной оболочкой. Цена оказалась высока: со свободой пришлось расстаться.

Пожилая женщина схватила стакан с водой, поднесла к глазам и заглянула в него.

– И я ничем не могла тебе помочь, – продолжала она. – Я была слишком погружена в свое горе, чтобы заниматься нашей жизнью. И я многое разрушила в ней. Хотя ты – куда больше.

Гостья слушала. Теперь она начинала понимать, к чему клонит мать.

– И когда Давид заболел, – продолжала Ивонна (Давид был папой Альберта и мужем Софии), – ты снова замкнулась в себе, на этот раз скорее по привычке. А ведь он нуждался в тебе.

– У него была другая, – возразила София.

Ивонна кивнула.

– Я знаю. Тебе она причинила много боли. Но это было раньше...

– Для него сделали все возможное, – возразила Бринкман.

Мать пристально посмотрела на собеседницу и, покачав головой, прошептала:

– Нет, ничего подобного.

У Софии сжался желудок – неприятное ощущение. Мать продолжала:

– Давид хотел попросить у тебя прощения, но ты молчала. Это ты не пожелала с ним сблизиться.

– Чего ты от меня хочешь, мама?

– Давид умер, ушел. Болезнь поглотила его без остатка. А ты как будто не была готова к этому. Занималась своими делами, заботилась об Альберте... И при этом молчала. Ты оставалась наедине со своим миром, как будто боялась сделать что-то неправильно, если откроешься. Ты бежала в себя, создала себе алиби. Но ты страдала...

София сидела, опустив руки. Смотрела на сомкнутые в замок пальцы.

– А потом жизнь пришла к тебе сама, – продолжала Ивонна, – и твое горе хлынуло наружу. Ты до сих пор чувствуешь вину, я это вижу.

Бринкман невольно отшатнулась: слова матери неприятно поразили ее.

– Я никогда не любила его, – возразила она. – Но жизнь, которую он мог мне предложить, вполне меня устраивала. Я же не могла дать ему того, что ему было нужно, поэтому он и завел женщину на стороне. Это он пожертвовал мной. Я лгала Альберту, принимала неверные решения. Подвергала других опасности ради того, чтобы защитить себя. Я вела себя как эгоистка.

С этими словами София подняла глаза на мать.

– Так ведут себя все, – возразила Ивонна. – Время от времени, по крайней мере.

От этих слов ее дочери неожиданно полегчало.

– Ты, конечно, должна их признавать, – продолжала мать. – Свои темные стороны, я имею в виду. Пусть раны кровоточат. Не отворачивайся от них сейчас, это для тебя особенно важно. – Она поймала взгляд дочери и продолжила: – Прошлого уже нет, оно умерло. Сейчас – это сейчас. Я люблю тебя, София. Я горжусь тобой. Ты сильная, самостоятельная личность, даже если сама этого не видишь. Твоя жизнь сложилась не так, как ты того хотела, но ты в ней. И Альберт тоже. Вы вместе, все будет хорошо.

София уперлась локтями в стол и уронила голову на руки. Так прошло пять секунд. Десять...

– Мама, – прошептала она со слезами в горле.

Ивонна придвинулась к ней, села рядом на длинной кухонной скамье и обняла ее за плечи:

– Любимая...

Женщины замерли, прижавшись друг к другу. А потом Ивонна погладила дочь по щеке и вышла из кухни.

София слышала, как удалялись ее шаги. Время оборвалось. Мысли закружились вихрем. Когда за окнами стемнело, Бринкман поднялась по лестнице в свою комнату. В свое прошлое... В маленькой ванной, где она когда-то так часто запиралась, были все те же обои от Лоры Эшли^[9].

София почистила зубы над старой раковиной, разделась возле кровати и посмотрелась в большое настенное зеркало в раме из вишневой древесины. Повернулась, боком разглядывая шрам в левом нижнем углу спины – след от ножа. Арон пытался убить ее прошлой зимой в Йулланде.

Она легла на простыню и, как могла, вытянулась на слишком короткой кровати. Белье пахло свежестью и лавандой, совсем как в детстве.

Сон не шел. София думала о том, что ей говорила Ивонна.

* * *

Эдди Боман стоял под окном спальни, где София только что задернула гардины.

Он записал на телефон все, что мог, из ее разговора с матерью: имена, события... Все было так запутано... Но Эдди сделал большое дело, даже если не мог пока представить себе картины в целом.

Обязательно ли отдавать все это Томми или он обо всем уже знает?

Боман пошел к машине, прижимая трубку к уху.

Янссон ответил после третьего сигнала.

– Она в доме в Юрхольме, только что легла спать, – сообщил Эдди.

– Встречалась с кем-нибудь?

– Похоже, с матерью.

– О чем они говорили?

Эдди медлил. Нет, не следует передавать Томми, о чем говорили женщины. Иначе Янссону может показаться, что его подручный слишком много знает. В конце концов, Эдди не обязан этого делать. Его задание состоит в другом. Он выполнит условия сделки и освободится. Будет жить своей жизнью. «Последнее задание, – сказал Томми. – Сделай это – и мы в расчете».

– Все, что я видел, – это как они сидели на кухне и разговаривали, – ответил Эдди. – Я не смог приблизиться насколько, чтобы расслышать, о чем.

Боман сидел в машине. Он выудил «кольт» из кобуры с внутренней стороны куртки и открыл перчаточный ящик. Его табельный пистолет лежал там.

– И сейчас она легла спать? – спросил Янссон.

Эдди поменял местами пистолеты. Старый автоматический «кольт» положил в перчаточный ящик, а служебное оружие убрал в кобуру. Затянул ремни, залепил липучки.

– Похоже на то, – ответил он Томми.

– Поезжай домой, она проснется не раньше завтрашнего утра, – велел тот и дал отбой.

* * *

По дороге в город Эдди открыл окно. Вечерний ветерок освежил тяжелую от мыслей голову.

Подростком Боман прошел через несколько приемных семей и слыл хулиганом. Походы на футбол были ему не по карману и отнимали слишком много времени, поэтому Эдди приходил на матчи только после финального свистка, к началу потасовок. А иногда, если по дороге на стадион встречал единомышленников, отправлялся в парк попинать народ в голову. Это успокаивало. Дать волю агрессии – это действовало как лекарство. Но хулиганства было недостаточно, и Боман подался на войну. Так он вместе со своим АК5 оказался в Афганистане, в городе Мазари-Шарифе. Его противник стрелял из «калашникова» и из гранатометов. Эдди прятался от него, присыпая голову сухой глиной. Ему нравилась такая жизнь.

Будучи в отпуске в Швеции, он познакомился с девушкой по имени Анника – кудрявой блондинкой с оленьими глазами. Боман размяк – покончил и с иностранной службой, и с хулиганством. Теперь он патрулировал городские улицы по ночам в яркой полицейской куртке.

Аника захотела от него ребенка, и они стали спать друг с другом в определенные дни. Кроме того, время от времени она заявлялась к Эдди с предложениями работы и образования. В результате Боман получил жетон уличной патрульной службы. В группе его ценили за умение выдворять нарушителей порядка из общественных мест. Один из патрульных оказался профессиональным копом – он-то и порекомендовал Эдди поступить в полицейскую школу. И тот последовал этому совету.

Первые дни с дубинкой на поясе – с какой любовью Боман взвешивал на ладони эту блестящую черную штуковину! Теперь он ездил в машине с мигалкой и всегда был на переднем крае. Бил, где только можно. Коллеги всегда были рады заполучить его в группу.

С ребенком не сложилось – уролог сообщил Эдди, что у него дрянная сперма. Анника сразу отстранилась, охладела. «Мы можем остаться друзьями», – сказала она, целуя Бомана в щечку в прихожей.

Береги себя, парень.

Порвав с Анникой, Эдди с головой окунулся в хулиганскую жизнь. Насилие и драка – других лекарств для него не существовало. Как-то в парке он насмерть забил некоего Рикарда Эгнелля – светловолосого парня лет двадцати с небольшим из одного северного пригорода. Бедняга и хотел всего-то немного поразмяться. Но встретил не того противника, не в том месте и не в то время. Ему пришлось иметь дело с оскорбленным Эдди Боманом... Короткая жизнь Рикарда Эгнелля завершилась тем же вечером.

На следующий день Эдди увидел имя Рикарда в заголовках газет – «бессмысленная жестокость». Это был редкий случай, когда заголовки не лгали.

Боман ждал – ничего не происходило. Он продвигался по карьерной лестнице, стал инспектором. Годы шли – и Эдди понял, что может расслабиться.

Но однажды, месяца три тому назад, в дверь его дома постучали. На пороге стоял Томми Янссон – инспектор криминальной полиции со стильными усами. Он сообщил Боману, что знает о хладнокровном убийстве, которое тот совершил несколько лет назад, и располагает достаточно убедительными доказательствами. А потом предложил Эдди работать на него. Делать то, что прикажет Томми, и не задавать лишних вопросов. А на случай, если Боман вздумает заартачиться, Янссон пригрозил тюремным сроком за убийство – верные восемнадцать лет.

Ранним утром, выходя к такси возле дома Ивонны, София снова заметила этот автомобиль. На этот раз он держался от нее на значительном расстоянии. Серебристо-серый «Вольво», за рулем мужчина. Тот самый, которого она видела по дороге в аэропорт.

Некоторое время Бринкман поджидала его в терминале. Мужчина высматривал ее в толпе.

София приблизилась к нему со стороны.

– Простите...

Преследователь оглянулся – среднего роста, широкоплечий, волосы «ежиком».

Бринкман вытянула руку с мобильником и сфотографировала его, а потом развернулась и пошла к паспортному контролю. Мужчина остался на месте.

У Софии было три паспорта – два фальшивых и один настоящий, и на этот раз она воспользовалась одним из фальшивых. Сев на самолет до Франкфурта, женщина достала мобильник и открыла снимок. На вид сфотографированному мужчине было чуть за тридцать. Лицо угловатое, но приятное. Рот большой, губы полноватые. В то же время он был довольно неприметен. Весь его облик выдавал желание не выделяться, смешаться с толпой. Стрижка – ни о чем. Глаза голубовато-серые. Можно сказать, красивые.

Это парень Томми, полицейский или бандит. Или же и то и другое одновременно, как и сам Томми. София снова заглянула в глаза мужчине. Поначалу они показались ей злыми и пустыми. Теперь – нет. Она попыталась представить себе картину в целом. Что-то подсказывало ей, что человек на снимке одинок, несчастен и... опасен.

Бринкман переслала снимок Майлзу.

Самолет приземлился во Франкфурте, и София прошла паспортный контроль. На выходе из терминала открывался вид на море бежевых такси. Женщина постояла и снова повернула к терминалу. Нашла зал отправления. Снова прошла паспортный контроль, с другим фальшивым паспортом, и села на рейс «Люфтганзы» до Праги.

* * *

Ингмарссон ждал ее в машине. Цифры на табло под часами показывали плюс двадцать восемь по Цельсию. София устроилась на пассажирском сиденье рядом с Майлзом.

– Привет.

– Привет, – отозвался он, держа сигару за окном автомобиля. Машина сдвинулась с места. – Как он?

«Как он?» – повторила про себя вопрос София.

– Он разный, – ответила она вслух.

– То есть? – Теперь сигара висела во рту ее товарища.

– Сначала разыгрывал неведение. Но когда понял, что все серьезно, сменил тактику.

– Раскаивался?

У Майлза Ингмарссона с Томми были личные счеты.

– Нет, – тихо ответила Бринкман. – Не раскаивался.

– Насчет человека на снимке... – Майлз вздохнул.

– Да?

– Он показался мне знакомым. Я покопался в полицейских реестрах. Эдди Боман, так его зовут. Начинал с патрульного, дослужился до инспектора.

– А сейчас?

– Не знаю. Но это должен быть парень Томми.

Они оставили машину в районе Прага-6 и добрались до отеля «Мала Страна» сначала на метро, а потом на трамвае. Пересекая реку, оба любовались сквозь грязное стекло вагона Пражским замком.

– Как Альберт? – спросила София.

– Все хорошо, – ответил Майлз.

– То есть? – не поняла женщина.

– Альберт при деле, – пояснил Ингмарссон, – и прекрасно себя чувствует. У Гектора он получил то, что мы только собирались ему дать.

Они не доехали до цели несколько остановок. Решили прогуляться по поселку Уезд в сторону Малостранской площади и Карлова моста.

– А в остальном? – спросила Бринкман.

– Ничего особенного, он приспособился. Он это умеет, ты знаешь.

Женщина заглянула в лицо Майлзу.

– Он слишком нормальный, София, – сказал тот.

– Это как? – не поняла она.

Ингмарссон задумался.

– Он ворчит и кричит, когда мы смотрим «Алльсвенскан»^[10], и кладет меня на лопатки в любом споре. Он уверен в себе на все сто. С Альбертом всё в порядке. – Майлз повернулся к Софии. – Ты-то как?

Она не ответила.

* * *

Они ели на кухне. Бринкман разглядывала компанию по другую сторону стола: Альберт, Санна, Майлз и Михаил.

– Он мутный, этот Томми Янссон, – начала она.

София рассказывала о встрече с Томми. Все слушали, а когда она закончила, еще больше притихли. Наверное, им стоило бы выпить за то, что все наконец сдвинулось с места, что все прошло по плану. Но в головах у всех присутствующих крутились совсем другие мысли. О том, что весь этот комфорт – обман, что спокойная жизнь в Праге скоро закончится. Но никто ничего не сказал. Кроме Михаила Асмарова.

– Нам особо не на что рассчитывать. – Его голос звучал глухо.

Все разом повернулись к нему. Михаил сидел неподвижно – большой, широкоплечий, невозмутимый. Дожевав, вытер руки салфеткой и продолжил:

– Полиция. Томми лишь выжидает момент, чтобы на нас наброситься. Он строит планы, изыскивает средства, выжидает. То же касается и Гектора, если только мы найдем его или он найдет нас. А это не совсем то, на что мы рассчитывали.

Михаил Асмаров был ветераном Афганской и первой чеченской войны.

– Они обрушат на нас все, что имеют, слишком много грязи. Все будет по-настоящему, – добавил он.

Но за этим столом никому не была нужна его правда.

– Мы к этому готовы, – отозвалась София.

Михаил покачал головой:

– Никто из нас к этому не готов.

– Мы все рассчитали, и до сих пор все шло по плану, – продолжала Бринкман.

– До сих пор нам везло, – возразил Асмаров и снова застучал вилкой о фарфоровую тарелку.

– Тем не менее все шло по плану, – подал голос Майлз. – Мы можем позволить себе расслабиться, Михаил. В конце концов, это не менее важно.

Русский обвел взглядом компанию за столом.

– Мне нет смысла что-то вам объяснять, – сказал он. – Все мы бывали в переделках. И никто никогда не оказывался готов к этому. Или как?

– Я готов, – отозвался Альберт, выдержав паузу.

Михаил пожал плечами.

– Хорошо. Никто не готов, кроме Альберта.

В этом месте он, наверное, должен был улыбнуться. Но не сделал этого.

* * *

Майлз лежал в кровати и читал журнал о парусниках. Санна смывала косметику в ванной, оставив дверь приоткрытой.

– Зачем он говорил нам все это? – спросила она.

Ингмарссон пролистнул несколько страниц.

– Кто?

– Михаил.

Майлз поднял глаза на Санну. Та протираала веки ватным диском.

– Просто захотел напомнить, что все серьезно.

– Я и без него это понимала. Зачем портить людям настроение?

– Пожалуй, ты права, – проворчал Майлз, переворачивая страницу. На развороте красовался белый круизный катер 1922 года выпуска, обновленный до первоначального блеска.

– И потом, София... – добавила Ренберг тише.

«София, – повторил про себя Ингмарссон. – София Бринкман – это проблема. Вечно отстраненная и недостижимая. Иногда рассудительная и спокойная, но чаще неуправляемая. Откуда в ней только берется такая сила? Из аэропорта я вез другую Софию...»

– Майлз? – позвала Санна из ванной.

Она стояла, слегка запрокинув голову, и смотрела на него. На лице у нее лежала мыльная пена.

– Я слышал, что ты сказала, – отозвался Ингмарссон. – Да, София чем-то обеспокоена. Ты тоже это заметила?

Ренберг открыла кран, ополоснула лицо под струей и снова закрыла.

– Да, и я хотела бы знать причину ее беспокойства.

Майлз долистал журнал до конца, просмотрел анонс – «Моторные лодки» – и вернулся к началу.

– А какие здесь могут быть причины? – спросил он.

– Разве не те же, что и у всех нас?

– А какие у всех нас могут быть причины для беспокойства?

Санна прислонилась к дверному косяку и промокнула лицо полотенцем.

– Что бы там ни говорил Михаил, не думаю, что кто-то из нас рассчитывает, что и в дальнейшем все будет идти так гладко.

– Это почему?

– Закон природы. Она во всем соблюдает баланс. – Теперь полотенце висело у Санны на руке. – Волна откатилась – теперь все ожидают удара. Разве это не то, что волнует Софию?

Майлз закрыл журнал.

– Нет, – сказал он. – Это не то, что ее волнует.

– Тогда что? Альберт?

– Да, – ответил Ингмарссон. – Альберт.

Переехав в Прагу, Майлз и Санна сразу привязались к Альберту. Подросток-инвалид, он успел испытать за свою жизнь слишком много, и они хотели хоть чем-нибудь ему помочь. Они вошли в его жизнь и сами выбрали в ней роли. Оба старались проводить с Альбертом как можно больше времени, планировали его занятия по школьной программе, давали уроки. Их отношения с мальчиком с самого начала складывались легко и естественно. Майлзу и Санне удалось создать Альберту по крайней мере некоторое подобие нормальной повседневной жизни. А София ничего этого будто не замечала. Они понимали ее чувства. Безусловно, она была им благодарна, но в то же время испытывала нечто вроде ревности. Ведь то, что они делали, было частью ее материнских обязанностей. Это благодаря Ингмарссону и Ренберг Альберт с некоторых пор стал для Софии воплощенным укором совести.

– Альберт? – повторила вопрос Санна.

– Полагаю, София прекрасно понимает, что ее ждет. Чем ближе развязка истории Гектора и Томми, тем острее назревает конфронтация между Альбертом, Йенсом и Лотаром.

Санна не глядя погасила в ванной свет, прошла босиком по деревянному полу, легла рядом с Майлзом в постель и прижалась к нему. От нее пахло цветущим лугом, как всегда.

– И как он это воспримет? – спросила она.

– Будет переживать, – ответил Ингмарссон. – Как и все мы.

– Тогда мы должны быть с ним, потому что она не сможет его защитить.

– Мы должны быть и с ним, и с ней.

– А почему она сама не говорит об этом?

– Потому что не может.

– Почему не может?

– Цена вопроса – десятки тысяч крон.

Санна повернулась на бок, глядя в темноту комнаты.

– Мне нравится видеть Альберта счастливым, – сказала она.

– Мне тоже, – отозвался Майлз, заключая ее в объятия.

Они являлись Томми по ночам, голые и мертвые. И разговаривали с ним, хотя он никогда не понимал их. Они перебивали здесь все – коллеги, которых он убил. Беспокойно бродили по комнате, бормотали что-то невнятное, мешали спать.

В три часа ночи Янссон вдруг осознал, что лежит на спине в постели и пялится в потолок. Сна у него не было ни в одном глазу.

Не одеваясь, он спустился по лестнице на первый этаж, в гостиную. Там было тихо и чисто – как в клинике. Моника гордилась бы им.

Она смотрела на Томми с фотографии на письменном столе. Это был семейный снимок в золоченой рамке – ради него они специально ездили к фотографу. Моника, Томми и девочки – Ванесса и Эмили. Сколько лет прошло с тех пор? На снимке Томми выглядел молодым и стройным – стильная рубаша под не менее стильным пиджаком. Девочки веселы, Моника сияет, как солнце. Прошлой зимой она покончила с собой за этим кухонным столом. А девочки живут на севере с теткой и ее блаженным идиотом-муженьком. Янссон с ними не общается. Разве что посылает деньги на Рождество и на дни рождения девочек. Но что бы там кто ни думал, ему страшно их не хватает.

Томми вытащил из стола портфель и снова ступил на лестницу. Ниже уровня земли, рядом с кладовкой, находилась еще одна запертая комната. Ключ от нее висел на шее у Янссона, на цепочке. Он отпер дверь и нащупал выключатель. Простая лампочка на потолке залила помещение белесым светом.

Полки вдоль стен были заставлены папками. Компьютер имел прямую связь со всеми полицейскими серверами. Разумеется, были там и принтер, и шреддер, и копировальная машина. Серый шкаф с документами был втиснут в самый угол. В целом в помещении, несмотря на тесноту и обилие бумаг, царил безукоризненный порядок.

Как был – голый, – Томми сел на офисный стул. Папки... Две из них подписаны именами Майлза Ингмарссона и Софии Бринкман. Там всё – информация об их родственниках, друзьях, семье, местах работы и проживания. Все, что ему удалось собрать.

Шкаф с документами.

И там тоже хранится информация. Но исключительно о полицейских, которых Янссон мог бы использовать в своей работе. Садисты всех мастей из разных уголков страны. Среди прочих – досье Эдди Бомана. Все остальные рядом с ним – мусор. Где наркотики, где супружеская неверность, где финансовые махинации по мелочи. Но Эдди... Томми удалось отрыть убийство, вот это бонус!

Он тщательно все перепроверял, как привык делать с самого начала полицейской карьеры. И заметал следы в компьютере – этому он научился не так давно.

Папки, шкафы с документами – это из-за них Томми всегда был на переднем крае. И из-за мертвых. Тех, что мешали спать и ни свет ни заря поднимали его с постели. Это они давали ему столько дополнительных часов рабочего времени, позволявшего всегда быть на шаг впереди своих врагов.

Оставались София и Майлз, а потом он будет свободен.

Следователь открыл портфель, достал кипу бумаг, которую сегодня выложила перед ним София Бринкман, пролистал несколько страниц и заложил их в шреддер.

Она сидела так близко, эта чертова шлюха Бринкман... Томми было достаточно протянуть руку, чтобы задушить ее.

Майлз Ингмарссон, София Бринкман. Обида стекала по спине Янссона неприятной дрожью, скапливалась в основании позвоночника, вызывая боль. Томми выпрямился на стуле.

Он вынужден взять их обоих одновременно, как и планировал. Они должны умереть вместе.

От документов остались тонкие бумажные ленточки. Теперь можно было приступить к работе.

Томми нацепил на нос очки для чтения и пролистал записную книжку в мобильнике, сопоставляя полученную от Эдди информацию со временем ее поступления. Потом сел за компьютер и зашел на сайт аэропорта Арланда. Его интересовал рейс, которым улетела София.

Янссон должен был бояться компьютеров, потому что принадлежал не к тому поколению. Но вместо этого он с ними ладил – правда, втайне. На людях Томми разыгрывал дурачка, беспомощного в отношении не только компьютеров, но и телефонов. Всё под контролем – в этом было его спасение. Он давно понял, что если хочет выжить, то должен уметь все делать сам. И стал учиться. Все оказалось проще, чем он думал.

Если верить Эдди, София вошла во второй терминал. Из двух международных терминалов Арланды второй был наименее загруженным, потому что его открыли совсем недавно. Можно считать, Томми повезло. За интересующий его час во втором терминале регистрировались всего четыре рейса. В другом международном терминале – пятом – за это время их прошло пятнадцать.

Янссон кликнул на расписание. Итак, Хельсинки, Париж, Франкфурт и Амстердам.

Он почесал переносицу и послал паспортные данные Софии Бринкман Конни Клиngu – полицейскому пограничной службы Арланды. Конни, и никто другой, читал списки пассажиров на первом этапе. При этом он любил свою работу, видел в каждом беженце потенциального террориста и изыскивал любую возможность отправить его домой.

Томми запер свой подземный офис и по узкой лестнице поднялся на кухню.

Когда он открыл дверь, в темноте светилась голубая лампочка холодильника. Нужно было позавтракать, хотя Янссон совсем не был уверен, что сможет проглотить хотя бы кусок. Но в холодильнике лежала говядина – мясо сконского быка лимузинской породы. Ломоть, по форме напоминающий «очко» в деревенском туалете. Кроме того, оставались еще картошка и лук. Ну и, конечно, соус, который Томми был готов есть ложками. Его прислал Янссону один японец, ведущий кулинарный блог и понимающий толк в соусах.

Томми поджарил говядину, вылив на сковороду слишком большое количество масла. Мясо зашипело и аппетитно подрумянилось. Мужчина присыпал его картошкой и луком.

Он сделал надрез – и на тарелку потекла красноватая жидкость. Мясо пахло кровью и лесом. Томми прожевал кусок и задумался о будущем. Майлз и София должны умереть. А он станет шефом полиции, найдет себе женщину и уйдет на пенсию раньше срока. После чего улетит в Испанию и запьет.

Рядом на столе завибрировал телефон. Это был Конни Клинг.

Янссон ответил с набитым мясом ртом:

– Конни?

– Никакая Бринкман этим рейсом не вылетала, – сказал его подручный.

Томми бросил взгляд на кухонные часы над дверью – десять минут пятого утра.

– Ты еще работаешь, Конни?

– Да, у меня дежурство.

– А в целом нет ничего подозрительного?

– Никакой зацепки.

– Я хочу видеть списки.

– Письменное разрешение прокурора – и они в твоём распоряжении.

Янссон налил в стакан минеральной воды.

– Речь идет о предварительном расследовании, Конни. Мне не хотелось бы вмешивать в это дело прокурора.

Клинг вздохнул и пробормотал: «*Sorry*»^[11].

– Я-то полагал, ты человек инициативный, – отозвался Томми с деланным разочарованием.

– А я такой и есть, – подтвердил его собеседник.

Янссон взял на кончик ножа немного соуса, лизнул его и зажмурил глаза.

– Так что я должен сделать для тебя, инициативный Конни? – Обмакнул кусок мяса в соус и положил в рот.

– Для моего сына, – поправил Клинг. – У мальчика хорошие задатки следователя и криминалиста. На худой конец, он не прочь был бы пройти школьную практику в криминальной полиции.

– Мальчик хорошо знает, что ему нужно, – жуя, отозвался Янссон.

От окна повеяло утренней свежестью. Снаружи было уже совсем светло.

– Ты можешь ему помочь, Томми? – спросил Конни.

– Школьников не направляют на практику в криминальную полицию, – вздохнул следователь. – И тем более не берут на работу туда.

– А если в виде исключения, Томми?

– Ну разве так...

– Через пару часов я спущусь перекусить, – обрадовался Клинг. – Могу оставить дверь незапертой, если хочешь.

– О'кей, я посмотрю, что можно сделать для твоего парня.

– Это не ответ.

– Я все устрою, Томми.

– Это другое дело.

– Но мне от тебя будет нужно еще кое-что...

– Что именно?

– Проследить кое за кем из пассажиров, если я, конечно, найду то, что мне нужно.

– О'кей.

Томми положил трубку и прожевал кусок, с наслаждением втягивая в ноздри будоражащий запах.

* * *

Спустя несколько часов он вел машину по Е4 в северном направлении. Время было раннее, и до конторы Конни Янссон добрался без пробок. Дверь в кабинет была оставлена

приоткрытой, жалюзи – опущенными.

Бумаги на столе лежали аккуратными стопками. Взгляд Томми упал на фотографию подростка в прямоугольной рамке, – сын Конни с блестящими от гормонального перевозбуждения глазами. Чертов ноль...

Янссон порылся в бумагах и вытащил то, что искал. Несколько раз сфотографировал списки пассажиров на мобильный.

Вернувшись в свой подвальный офис, Томми еще раз пересмотрел их. Четыре рейса, всего около четырехсот имен, фамилий и идентификационных номеров. Работа предстояла большая – пробить по базе номера паспортов всех женщин в списках. Поначалу Янссон не обнаружил ничего подозрительного, но потом наткнулся на паспорт, которого не было в базе данных, – очевидно, номер был фальшивый.

Это открытие подогрело азарт Томми. Все-таки он был хорошим полицейским – удачливым и изобретательным.

Янссон переслал номер этого паспорта Конни Клингу.

«Проверь его, старая калоша».

Потом откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову. Куда же она все-таки полетела?

Он повернулся к полкам, перебрал пальцами несколько папок и выбрал одну. Майлз Ингмарссон – полицейский-недотепа, до недавнего времени незаметный клерк из отдела борьбы с экологическими преступлениями. Но это Майлзу и Софии удалось нарыть материал против Томми Янссона – задача не для средних умов. Для этого они должны были иметь выход на секретные базы данных.

Янссон перевернул страницу – мертвая информация, ничего интересного. Он захлопнул папку.

Когда он поднимался по лестнице, в наушниках запищало. Сообщение от Конни Клинга. На дисплее высветилось одно-единственное слово: «Франкфурт».

Томми не располагал информацией, каким-либо образом привязывающей Софию или Майлза к Франкфурту или вообще к Германии. Быть может, она подалась туда по какому-нибудь случайному делу? Янссон взвесил телефон на ладони. В конце концов, в качестве укрытия Франкфурт подходит не лучше и не хуже, чем любой другой город. Мужчина поставил ногу на следующую ступеньку, когда его поразила одна мысль. Он остановился, повернулся и снова пошел в подвал.

На этот раз досье Майлза бросилось ему в глаза сразу. Томми перелистывал его страницы, теперь наверняка зная, что ищет... Вот оно – Ингмарссон получил полицейское образование в возрасте тридцати лет. Чем он занимался до этого? Янссон задумался, чмокнул губами... Что-то такое крутилось у него в голове, чего он никак не мог вспомнить. Ну как же! Майлз сам говорил ему, что работал дипломатом в Министерстве иностранных дел.

Уже тогда Томми удивился: с какой стати дипломату вздумалось пойти в полицейские?

Мысли так и вертелись у него в голове.

Семья Майлза Ингмарссона состояла в основном из дипломатов – так он сам говорил. Дипломатами были его отец, дед, брат и жена брата. И, наконец, сам Майлз...

Чем они вообще занимаются, эти дипломаты? Тусуются на вечеринках в посольстве и министерстве да попивают шампанское. И у них есть доступ ко всем секретным базам, ко

всем расследованиям... Так вот как, значит, Ингмарссон все это устроил – через посольство...

Но во Франкфурте нет никакого посольства. Она полетит дальше – но куда?

Томми снова набрал номер Конни.

– Так, значит, во Франкфурте была только пересадка?

– Да.

– Надо проследить, куда она направилась дальше. Под именем Софии Бринкман, если только у нее нет еще одного фальшивого паспорта. Пошли запросы куда только можно. Я должен знать ответ.

* * *

Спустя четыре часа, когда Томми стоял в пробке по дороге к полицейскому участку, Конни перезвонил ему снова.

– За интересующий нас промежуток времени еще одна женщина с неидентифицируемым паспортом вылетела из Франкфурта в Прагу.

Круизный корабль представлял собой небольшой город – с театрами и кинозалами, ресторанами и спа-салонами, бассейнами, барами и торговыми переулками.

Кевин Горман был под впечатлением от всего этого, но в первую очередь – от их каюты.

Две кровати, маленькая ванная, балкон с видом на море. Йенс Валь положил свои вещи на ближайшую к двери кровать. Горман бросил свои рядом, а сумку Йенса столкнул на пол. Выбери Валь другую кровать, он сделал бы то же самое. Затем Кевин стянул с себя штаны и, вскрикивая от боли, отлепил прикрепленный под мошонкой пакет.

Под несколькими слоями замотанного скотчем пластика был кокаин. Горман вскрыл пакет карманным ножом, насыпал на полку под телевизором кучку белого порошка, разровнял ее ножом и разделил на три части, которые всосал в себя одну за другой.

Йенс наблюдал, как он запрокидывает голову, путаясь в кальсонах и брюках, болтавшихся где-то на лодыжках. Комнату огласил торжествующий вопль, Горман выбросил вперед кулак и энергично потер переносицу.

Потом он надел кальсоны, оказавшиеся вдруг слишком тесными, стоптал с себя штаны, не прибегая к помощи рук, и с громкими стонами повалился на постель. При этом не выпускал зажатый в руке пульт от включенного телевизора. Когда же действие на экране попало в поле его зрения, Кевин истерически захохотал. Он выставил вверх указательный палец парню, анонсировавшему погоду по Си-эн-эн, а ведущего Евроновостей Жан-Клода Юнкера расстрелял из воображаемого пистолета, который сложил из двух пальцев. Таково было обычное поведение Гормана под кайфом.

– Ну а сейчас пойдем смотреть на кораблики. – Он снова потер переносицу и вскочил с постели, натягивая штаны.

Вероятно, Кевин Горман был последним человеком, которого Йенс желал бы видеть рядом в такие моменты. Самым последним из почти семи миллиардов населения Земли. Может, Горман и вел себя так потому, что неосознанно понимал, что он самый никчемный из представителей рода человеческого.

Валь хотел бы убить его. Это подсознательное желание не покидало его ни днем, ни ночью. Открыть балконную дверь и выбросить Кевина за борт – на корм рыбам. Утешительная мысль.

Но вместо этого Йенс продолжал исполнять все его приказы. В одном из баров Горман подцепил Розиту – шлюху не первой свежести из Пуэрто-Рико. Он пригласил ее на бокал шампанского, представившись бизнесменом, директором предприятия. А Валя рекомендовал как одного из своих подчиненных.

Нажравшись до положения риз, Горман и Розита не без помощи Йенса спустились в каюту. Там Кевин, до отказа набив кокаином обе ноздри, повалил женщину на кровать. Валь открыл балконную дверь, чтобы не присутствовать при всем этом.

– Что ты о себе думаешь, в конце концов?! – заорал на него Горман.

Он стоял в постели голый на четвереньках. Розита держала в руке его член и тоже строго смотрела на Йенса. Тот удалился, закрыв за собой балконную дверь.

– Я с тобой говорю! – закричал вслед ему Кевин. Вставать и догонять ему не хотелось. Шлюха была важней, так что вместо погони он принялся громко стонать.

Йенс перегнулся через перила. Внизу плескалось море. В плену у Игнасио Валь почти не имел возможности общаться с кем-нибудь извне. Ему запретили звонить, лишили возможности пользоваться компьютером и электронной почтой. Горман не спускал него глаз. Даже будучи накачан наркотиками, он не давал Йенсу ни минуты свободы.

И это было, пожалуй, самое страшное. Оставшись на несколько мгновений наедине с собой, Валь не чувствовал ничего, кроме опустошенности.

На море был штиль, а у горизонта висел раскаленный шар солнца. Йенс посмотрел на свои туфли. Вероятно, эта опустошенность и была накопившейся за всю его жизнь тоской и обидой – подавленной, спрессовавшейся в душе, ставшей частью его личности. Даже здесь ему не хватало воздуха. Этот дьявол Горман душил его и на расстоянии.

В каюте рассмеялась Розита, и Кевин подхватил ее смех.

Йенс подставил лицо морскому ветру. Он наслаждался этим приветом из другого мира – более теплого, частью которого Валь никогда не был. В том мире звучала музыка, и люди общались друг с другом потому, что им так хотелось. Йенс скучал по Софии. Мечтал вырваться из этого ада вместе с Лотаром. Но такая уж, как видно, у него была судьба – жить под наблюдением, перевозить на кораблях наркотики. Когда он больше не будет им нужен, его убьют. Лотара тоже.

Не лучше ли в таком случае спуститься в каюту к Горману и шлюхе и нанюхаться до смерти? Наркотики губительны для его организма – когда-то давно Йенс понял это на собственном опыте. Тогда он всыпал в себя по полной программе, и передозировка вызвала остановку сердца. Но на какое-то мгновение Валь успел почувствовать непередаваемую легкость. Свободу.

В какой-то мере роль наркотика для него играл кофе. Но с этой зависимостью Йенс худо-бедно справлялся. Иногда он чувствовал еще и непреодолимую тягу к алкоголю. Убеждал себя, что и это под контролем, хотя и знал, что нет.

Теперь из каюты доносились другие звуки. Хрипловатый голос Розиты, которая как будто уговаривала Гормана, взывала к его разуму. Потом она стала кричать. Сквозь стеклянную дверь Йенс видел, как Кевин ударил ее кулаком в лицо.

Он вошел в комнату. Розита с вытаращенными в ужасе глазами обогнула кровать и встала за его спиной. Нижняя часть ее лица была залита кровью. На месте одного из передних зубов зияла дыра.

Голый Кевин Горман встал перед Валем:

– Отойди.

– Нет.

Горман захохотал, запрокинув голову, и наотмашь ударил Йенса по щеке. Тот не двинулся с места. Вторая пощечина была оглушительнее первой. А после третьей Валь схватил Кевина за горло. Воспользовавшись возможностью, Розита схватила вещи и шмыгнула в коридор.

Йенс сжал пальцы. Горман улыбался. Он чувствовал себя непобедимым, и его противнику ничего не оставалось, как ослабить хватку.

– Молодчина. – В хрипе Кевина было все – ненависть, радость, кокаиновое возбуждение. – А знаешь, почему я никогда не снимаю со своей «пушки» глушитель?

Валь не отвечал.

– Чтобы иметь возможность в любой момент пристрелить Лотара, где бы мы ни находились. Помнишь, я обещал тебе пристрелить сопляка? – Горман оскалился, обнажив кривые желтые зубы. – Помнишь?

Йенс молчал.

– Я не даю пустых обещаний, – заявил его подельник.

Последняя его фраза прозвучала почти радостно, после чего он плюнул Валю в лицо. Это было неожиданно. Некоторое время Кевин изучал реакцию Йенса, а потом плюнул еще раз. Йенс не двигался. После третьего плевка Горман поковылял к столу, распотрошил пакет и длинными толстыми пальцами всыпал в каждую ноздрю по хорошей щепоти белого порошка.

Затем он снова повернулся к Валю. Белые разводы у него под носом походили на усы Гитлера.

– Все будет хорошо, парень, – заверил Горман голосом доброго дяди.

Эдди Боман изливал себя в этих ударах.

Они сыпались на боксерскую грушу градом – глухие, профессиональные, тяжелые. Рикард Эгнелль не оставлял Эдди в покое ни на минуту, и тот видел смертельный блеск в его глазах. Запоздалое раскаяние походило на агонию. Боман понимал, насколько опасно распалиться, и старался не давать воли воображению, но здравый смысл если и побеждал, то ненадолго. Чувство вины стало его одержимостью, а борьба с ним – частью повседневной жизни. Вещи в мире Эдди утратили четкие очертания. Ложь и правда – все смешалось. Он потерял ориентацию, стал сомневаться во всем.

А теперь еще эта София Бринкман... Мысли о ней будоражили Бомана не меньше. Он слышал ее голос, чувствовал ее присутствие. Она была рядом с ним – в том же смысле, что и Рикард Эгнелль. Призрак Софии уже преследовал Эдди – еще до того, как он успел убить ее.

Удары сыпались градом – глухие, тяжелые. Боман работал, пока у него не обмякли все мышцы, после чего рухнул тут же, под грушей, не пытаясь кричать и дрожа всем телом. Боксерские перчатки со стуком ударились о пол.

Некоторое время Эдди лежал на спине и смотрел в потолок. Кровь колотила в виски, бешено пульсировало горло. Этажом выше соседка упражнялась на поперечной флейте. Красивая мелодия успела набить Боману оскомину, а сейчас и вовсе грозила нагнать тоску.

Он вскочил.

Встал под холодный душ, наблюдая, как мыльная вода утекает в сливное отверстие.

Затем Эдди надел штаны, но выше пояса остался голым, чтобы пропотеть, пока не вышел из квартиры. На кухне он включил кофейную машину. Серый кастрат породы шартре, Мэнни сидел на подоконнике и смотрел куда-то за окно. Его называли в честь боксера Мэнни Пакьяо^[12].

Эдди взял кота на руки и прижал к обнаженной груди. Мэнни был мягким и теплым – то, что Боману было нужно. Высвобождаясь из объятий хозяина, он оставил на его предплечье царапину.

Потом кот спрыгнул на пол.

Эдди допил утренний кофе, взял телефон и принялся стирать все, связанное с Софией Бринкман. События, имена, адреса – все, что он слышал под окном дома ее матери. Он будет делать только то, о чем попросит Томми, – не более. Отныне он не допустит в свою голову ни одной самостоятельной мысли на эту тему. Просто покончит с ней и освободится. С каждой минутой Боман все больше убеждался, что так будет правильное всего. Он потянулся за верхней газетой в стопке на столе. Эдди Боман читал обе стокгольмские утренние газеты – внимательно, страница за страницей и непременно в бумажном варианте. Это был его утренний ритуал. Имена журналистов тоже кое-что для него значили. Сейчас Эдди читал статью Каролины Бергер – скандального репортера, известного своими разоблачительными материалами.

София Бринкман была с ним все это время. Как ни чесал Боман в затылке, пытаясь сосредоточиться на газете, все было напрасно. Он тряхнул головой и откинулся на стуле. Мэнни снова запрыгнул на подоконник: «Что с тобой, хозяин?»

Ладно, последняя попытка. Взгляд Эдди снова упал на страницу. Но как ни лезла из

кожи вон Каролина Бергер, ее слова не трогали мужчину. Наконец он сдался.

Мэнни не сводил с хозяина янтарных глаз.

– Чего уставился? – спросил его Эдди.

Кот не отвечал.

Тогда Эдди тоже выпучился на него, но Мэнни это не смутило.

Черт!

Боман потянулся за ручкой и набросал на краешке газеты все, что помнил из записанного на телефон разговора – имена, события, факты. София Бринкман, Гектор Гусман, ресторан «Трастен»... Оказалось, не так мало. Чернила расплывались на тонкой бумаге, и текст на полях репортажа Каролины Бергер выглядел липким.

– Ну что, доволен?! – закричал Эдди на всю кухню.

По-видимому, он обращался к Мэнни. Хотя не исключено, что и к Рикарду Эгнеллю тоже.

Боман тяжело задышал и наотмашь ударил себя по щеке. А потом еще и еще раз. Главное – не сомневаться. Эдди выбивал из себя опасные мысли.

Неожиданный звонок в дверь привел его в чувство.

Мужчина перевернул газету, на которой только что записал информацию о Софии Бринкман, и накрыл ее другой газетой.

На лестничной площадке стоял Томми Янссон – свежевыбритый, с идеально подведенными усами и красным от возбуждения лицом.

– Не ждал? – Томми прошел в квартиру и огляделся. – Ты один?

– Да.

– Есть работа. Собирайся, перекусим в машине.

– О'кей, – кивнул Эдди, – я готов.

Гость ткнул пальцем в его голую грудь.

– Рубашку не наденешь?

Боман прошел в квартиру, Томми за ним. На кухне Янссон сел на стул. Сердце Эдди забило, как молоток. Краем глаза он видел, как Томми поднял газету, лежавшую поверх той, на которой Эдди только что делал записи.

Наскоро накинув рубашку, он вернулся на кухню.

– Что с тобой? – спросил его гость. – Ты нервничаешь?

– Нет, я в порядке.

Несколько секунд Томми молча смотрел на Эдди. Это было странно.

– Ты ничего не забыл?

Боман не понял.

– Тебе не кажется, что ты кое-что забыл? – повторил Янссон.

Нервы Эдди были натянуты до предела.

– Не понимаю, о чем ты?

– О твоём цветочном одеколоне. Я привык, что от тебя хорошо пахнет.

– Только не сегодня, – облегченно выдохнул Боман.

– Ладно, – Томми сложил газету, встал. И чуть не подпрыгнул от неожиданности, увидев на подоконнике Мэнни. – Не знал, что у тебя есть кот.

Они сели в машину Томми и двинулись в сторону Стокгольма.

Эдди Боман, маленький убийца. То, что Янссон уловил связь между Эдди и убийством Рикарда Эгнелля в парке, – чистая случайность. Шанс, которым Томми не преминул воспользоваться. Бедняга Эдди не сопротивлялся, словно с самого начала знал, что так будет. Как будто даже желал этого.

Янссон сразу понял, с кем он имеет дело. С тем, кто ничего не может решить для себя окончательно и прячет свою слабость за показной брутальностью. Противоречивый тип, идеальный объект для манипуляций. Такие впитывают в себя все, что им говорят, не утруждая себя мозговой работой. Томми чувствовал, что все это каким-то образом связано с сиротством Эдди. Даже не со свойственной брошенным детям недоверчивостью, а с тем, что Эдди никто не научил отличать правильное от неправильного. Такие всю жизнь блуждают как в тумане.

– Становится горячо; понимаешь, о чем я? – сказал Янссон.

Эдди кивнул, не глядя на него.

– О Бринкман.

Томми быстро оглянулся на подельника.

– Хватит ломать голову. Давай покончим со всем этим.

– Разве я тебе что-нибудь сказал? – удивился Боман.

– Сказал. Ты все время говоришь только об этом.

– Это серьезное дело. – Эдди прокашлялся.

– Все относительно, – пожал плечами Томми.

Они выехали на мост Транеберга. На «Вольво» Янссона была автоматическая коробка передач, поэтому, набирая скорость, машина скользила, как лодка по воде, и это особенно восхищало Эдди.

– Мы сделаем это, – сказал Томми. – Есть еще один человек, и мы возьмем их вместе.

– Но ты говорил только о ней.

– Я говорил только, что есть одно задание.

Эдди отвернулся. Что ж, он готов и на это. Янссон усмехался про себя: пришло время сказать правду. Но для начала он вывалит ее на пол, перемешает отдельные фрагменты и сложит пазл по-своему. Боман проглотит все, потому что правда ему не нужна. Ему нужна цель, чтобы не выпасть из жизни.

Томми поковырял у себя в ухе.

– Я не собираюсь посвящать тебя во все подробности дела, но кое-что тебе знать надо. Ты должен понимать, что делаешь все правильно. Что ты на правильной стороне.

Эдди наострил уши.

– София Бринкман была любовницей Гектора. Она занималась вымогательством денег и виновна в смерти наших коллег. Я имею в виду Гуниллу Страндберг и Ларса Винге.

Боман недоверчиво посмотрел на Томми.

– Винге застрелил Гуниллу, а потом покончил с собой.

Янссон покачал головой.

– Это официальная версия. Чушь, которую придумали специально для газетчиков. На самом деле все было иначе. – Он выдержал паузу и продолжил уже тише, с налетом скорби в голосе: – Гунилла копала под Гектора и рассчитывала на помощь Софии. Но та проболталась Гектору, что полиция висит у него на хвосте. Потом они застрелили Гуниллу и подстроили все так, будто это сделал Винге. Вот как оно было на самом деле. К сожалению,

доказательств у нас недостаточно. – Томми заметил, как вспыхнули глаза Эдди, и продолжил подливать масла в огонь. – Бринкман – убийца. И она развернется по-настоящему, если мы не сделаем то, что должны. За все время работы в полиции я не встречал никого опаснее, чем она. – Янссон посмотрел на Бомана. – А теперь она еще объединилась с этим Майлзом Ингмарссоном. Ты помнишь его?

Эдди покачал головой.

– Тоже коллега, – иронически заметил Томми. – Убил наркоторговца и, по всей вероятности, Антонию Миллер. Она пропала. О, это скользкий черт... – Янссон снова замолчал, как будто предался размышлениям. – Большинство убийц, с какими мне приходилось иметь дело, были, что называется, заблудшие души. Или же совершали непоправимое в состоянии аффекта. Немногие шли на убийство сознательно, но они, как правило, становились на эту тропу не один раз. Темные личности, если хочешь знать мое мнение. Они утратили право быть среди нас. – Полицейский понизил голос. – Мы должны положить этому конец, даже если для этого придется преступить закон. Сделаем то, что нужно, и забудем всё как страшный сон.

Покосившись на Эдди, Томми понял, что его слова достигли цели.

Площадь Фридхемплан. Янссон метр за метром преодолевал запруженную машинами трассу.

– Она должна исчезнуть, Эдди. Это единственный выход... Она психопатка, – добавил он шепотом.

Боман молчал.

Томми повернулся, запустил руку на заднее сиденье, взял оттуда пластиковый пакет и положил его на колени своего пассажира. Внутри оказались купюры.

– Две сотни кусков, Эдди, как договаривались. Твои мучения должны быть вознаграждены.

В следующий момент он снова схватил пакет и забросил его на заднее сиденье.

– Потом.

В городе Томми поехал по направлению к Хантверкаргатан.

– Твоя мать тоже как будто была из таких? – спросил он.

– Из каких? – не понял его подручный.

– Психопатка. Она бросила тебя совсем маленьким, думала только о себе, пила и трахалась. Я знаю, через что тебе пришлось пройти, Эдди.

На этот раз Боман посмотрел на Янссона.

– Эта медсестра такая же, – продолжал тот. – Так неужели мы будем стоять в стороне и молча смотреть, как она разрушает чужие жизни?

Эдди чуть заметно кивнул. Всё, сработало. Еще не успев пошевелить собственными мозгами, Боман ненавидел Софию Бринкман не меньше, чем собственную мать. А Томми Янссон, вероятно, был теперь за его отца во всей этой истории. С точки зрения психоаналитики, по крайней мере.

– Тебе предстоит путешествие, Эдди, – сказал Томми. – Судя по всему, в Прагу. Ты найдешь их в посольстве, сделаешь то, что нужно, и вернешься свободным человеком.

Банкир Джузеппе Руссо звонком на мобильный сообщил о месте встречи Альдо Моретти и людей дона Игнасио из Колумбии.

Бледная как мел Соня вела машину во Флоренцию.

В городе они долго петляли по переулкам, пока не припарковались в самом начале улицы, отходящей от юго-западной стороны площади Пьяцца-делла-Синьора. Отсюда хорошо просматривалась площадь вместе с рестораном, где должно было все произойти.

На Пьяцца-делла-Синьора толпился народ – туристы, торговцы, прогулочные экипажи с лошадьми...

Лешек Смялы пересек площадь и вошел в ресторан.

– Столик у окна, если можно, – обратился он к тут же подоспевшему официанту.

Его проводили в дальний конец зала, и он сел. Китайский автоматический пистолет тип 67 давил на ребра. Для него не требовался глушитель, он стрелял почти беззвучно – дозвуковой патрон. Если начать все прямо здесь, у них будет несколько минут, прежде чем начнется паника. За это время можно все успеть. Если возникнут проблемы, Лешек позовет на помощь Соню. За городом припаркованы две эвакуационные машины. Одна на юге, на холме со смотровой площадкой «Пьяццале Микеланджело», под монастырем, другая на западе, возле железнодорожной станции.

Лешек огляделся. Ресторан состоял из внутреннего и внешнего залов, бара и кухни. На втором этаже были две комнаты для встреч. Одна из них вмещала порядка десяти человек, другая была рассчитана на тридцать. Если верить Руссо, встреча состоится во второй. Если вообще состоится, конечно.

Смялы посмотрел на свои руки. Он старался дышать медленно, ритмично – экономил силы.

Первые десять минут тянулись долго. Следующие десять – целую вечность.

Потом в зале что-то изменилось – общая атмосфера, как показалось Лешеку. Хотя никто из гостей, кроме него, этого, похоже, не заметил.

Один из официантов разговаривал с двумя коллегами, еще один исчез. Высокий, стильно одетый мужчина вошел в зал и огляделся. Первый официант пошел к нему. Они поздоровались за руку, как старые знакомые, после чего направились вверх по лестнице к залам для особых встреч.

Итак, прибыл передовой отряд. Лешек стал высматривать в зале коллег высокого мужчины, заранее занявших стратегические позиции, но не нашел ни одного. Может, плохо смотрел.

Высокий мужчина снова спустился по лестнице и встал у входа, сложив на груди руки. Возле ресторана на площади остановился автомобиль. Тех, кто из него вышел, Лешек не мог увидеть за прохожими и загромаждавшими площадь цветочными кадками. Но, так или иначе, четверо мужчин вскоре переступили порог внутреннего зала.

Смялы сосредоточился. У него был лишь один шанс узнать, кто из людей дона Игнасио в этой группе.

Первым шел «горилла» – охранник, кивнувший поджидавшему в дверях коллеге. За ним – сам Моретти, с маслянисто блестящими волосами, в клетчатом костюме с торчащим из

нагрудного кармана лиловым платком и в темных очках. Дальше следовали высокий блондин и мужчина с редкими длинными волосами.

Итого, четверо.

Группа пересекала зал в направлении лестницы.

Лешек еще раз оглядел каждого.

Итак, блондин. Это мог быть только он – рост, сложение, характерная манера двигаться. Ошибиться было невозможно.

* * *

Лешек рванул дверцу и скользнул на пассажирское сиденье. Соня посмотрела на него вопросительно:

– Что, никого нет?

Ее напарник промышал что-то невразумительное. Он не сводил глаз с окна, мысли его пугались.

– Лешек! – позвала его женщина.

– Пришел Моретти, – сказал он. – С ним трое, включая телохранителя.

– Кто от Игнасио?

Смялы повернулся к ней.

– Йенс Валь, – не сразу ответил он.

Соне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать сказанное.

– Йенс? Швед? Приятель Софии?

Лешек кивнул.

– Но почему? Что он здесь делает?

– Представляет дону Игнасио.

– Почему он?

Смялы не отвечал.

Соня задумалась.

– А что, если здесь какая-то ошибка? – спросила она. – Что, если эта встреча вообще не имеет к дону Игнасио никакого отношения?

– Имеет. Я узнал еще одного человека, Кевина Гормана. Американца, который точно работает на Игнасио. В Колумбии он занимался подготовкой военных для борьбы с ФАРК [\[13\]](#) по заданию американцев. Но последние десять лет служил телохранителем у Игнасио. Просто чудо, что никто из них не взглянул в мою сторону.

Некоторое время оба смотрели на ресторан, приводя в порядок мысли.

Лешек взглянул на наручные часы.

– Они могут освободиться в любой момент. Мы должны принять решение. Мне нужна твоя помощь, Соня. – Смялы повернулся к напарнице. – Не догадываешься, случайно, что здесь делает Йенс Валь? Откуда он вообще взялся?

Ализаде снова погрузилась в раздумья.

– Йенс был другом Софии – так мы с ним и познакомились, – сказала она.

– И?..

– Мы пришли к выводу, что с прошлой зимы София работает на Ханке.

– Но что делал Йенс Валь в ресторане?

– Он наркоторговец. София на стороне Ханке, он тоже. А Ханке работают с Игнасио, – ответила Соня.

– Это лишь догадки.

– Что именно?

– Что София перешла на сторону Ханке.

Лешек полгода находился рядом с Бринкман. Работал с ней, следил за ней, охранял ее. Он удивился, когда Арон сказал, что София перешла на сторону Ханке, – несмотря на все имевшиеся доказательства. А сейчас его мучили те же сомнения, на этот раз и в отношении Йенса.

– Хорошо, и что ты думаешь обо всем этом? – спросила Ализаде.

– Я встречался с ним несколько раз, – ответил Лешек. – Йенс не из тех, кто за деньги готов заниматься чем угодно.

– Чем угодно? – не поняла женщина.

– Например, похищать людей для дона Игнасио.

– Почему?

Во время разговора оба не отрывали глаз от ресторана.

– У него моральные принципы, – ответил Смялы.

– Наркоторговец с моральными принципами? – рассмеялась Соня.

– Он торгует оружием, – поправил ее напарник. – Хотя и не только.

– Ах, оружием... – с уважением повторила Ализаде. – Ну тогда совсем другое дело.

– Но это не имеет никакого отношения к тому, о чем я говорю.

– А что имеет?

– У Йенса чистая совесть. Ему не нравятся люди, которые занимаются наркотиками, поэтому он и не хочет иметь с ними никаких дел.

В этот момент из ресторана вышла группа мужчин. Но ни Йенса, ни кого-либо другого из знакомых Лешека среди них не было.

– Хорошо, что ты хочешь всем этим сказать? – задала Соня новый вопрос.

Смялы задумался.

– Что, если он здесь не по своей воле?

– Что ты имеешь в виду?

– То, что только что сказал.

– Объясни.

Лешек быстро посмотрел на Соню и снова повернулся в сторону ресторана.

– Мы с тобой достаточно знаем дона Игнасио. Он умеет заставить людей работать на себя. Такой человек, как Йенс, не стал бы иметь с ним дело добровольно.

– Это ты так считаешь, – уточнила Ализаде.

– Да, я так считаю, – подтвердил Смялы.

– То есть Йенс Валь работает на дона Игнасио по принуждению? – переспросила, подумав, его напарница.

– Можешь представить себе, какие возможности перед нами это открывает? – подхватил Лешек. – Иметь своего человека среди приближенных Игнасио!

– Хорошо, – согласилась Соня. – Допустим, мы выйдем на связь с Йенсом. И если твои предположения ошибочны и он с Игнасио по какой-либо другой причине, мы просто-напросто выдадим себя. Они поймут, что Гектор где-то рядом, и будут искать. И выйдут на нас.

– Риск, конечно, есть. – Смялы кивнул в сторону ресторана.

Группа мужчин остановилась у автомобиля. Кевин Горман все время держался позади Йенса.

– Кто он, этот Горман? – спросила Соня.

– Свинья, – ответил ее напарник.

Беседа Йенса и Моретти затягивалась.

– Йенс не собирается садиться в машину, – сказал Лешек.

– Похоже на то, – согласилась Соня.

Наконец рослый Валь и коротышка Альдо Моретти пожали друг другу руки. Моретти сел в машину на заднее сиденье, а Йенс и Горман пошли через площадь.

– Иди за ними, – велел Смялы.

Ализаде вышла из машины, перевесила через плечо сумочку и зашагала по Пьяцца-делла-Синьора.

Держась на расстоянии от Валя и Гормана, она следом за ними миновала копию статуи Давида и вышла в переулок в южной части площади.

* * *

Мужчины шли по Пьяццале-делла-Уффици к реке. Потом они повернули направо, миновали Понте-Веккио и снова свернули вправо, в меньший переулок, где стоял отель. Носильщик у входа, с перхотью на плечах форменной куртки, в недоумении вылутился на Соню.

– Глазей-глазей, – поддразнила она. – Это задаром.

После этого вошла в холл и остановилась посередине, делая вид, что роется в сумочке. Кевин в это время ждал ключи на ресепшне. Получив их, вместе с Йенсом направился к лифту. В тот момент, когда двери лифта разъехались, Соня устремилась на лестницу. Она бежала, перепрыгивая через ступеньки. Валь с Горманом проживали не ниже третьего этажа, иначе воспользовались бы лестницей.

Лифт лязгнул на третьем, но не остановился. На четвертом открылись двери.

Когда Соня выбежала в коридор, Йенс с Горманом стояли в самом его конце. Кевин отпирал ключом дверь. Когда мужчины исчезли из коридора, Ализаде поспешила туда и посмотрела номер на двери.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Здесь и далее: предыстория описываемых событий рассказывается в романах А. Содерберга «Ее андалузский друг» и «Сын за сына».

Соня Рикель – французский кутюрье, основательница одноименного дома мод.

БАС (боковой амфиотрофический склероз) – неизлечимое заболевание центральной нервной системы.

«Доктор Фил» – телевизионная программа американского психолога Фила Макгроу.

Переносная рация.

«Сендеро Луминосо» (или «Сияющий путь») – маоистская организация в Перу, образованная в 1960 г. и перешедшая к вооруженной партизанской борьбе в 1980 г.

Расхожее название Демократической Республики Конго (дабы не путать с Конго-Браззавилем – Республикой Конго).

Служба государственной безопасности Швеции, самостоятельное подразделение
Главного полицейского управления.

Английский бренд одежды и интерьера.

Высшая футбольная лига Швеции.

Извини (англ.).

Мэнни Пакьяо (р. 1978) – знаменитый филиппинский боксер, актер, политик.

ФАРК (*исп.* Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, Революционные вооруженные силы Колумбии) – леворадикальная повстанческая группировка Колумбии, внесенная в 2001 г. Госдепартаментом США в список террористических организаций.